

А. Г. ГЕРЦЕН, О. С. ИВАНОВА, В. Е. НАУМЕНКО, А. В. СМОКОТИНА

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В РАЙОНЕ ЦЕРКВИ СВ. КОНСТАНТИНА (МАНГУП):
I ГОРИЗОНТ ЗАСТРОЙКИ (XVI-XVIII вв.)**

В 2007 г. исполняется сорок лет со времени возобновления раскопок Мангупского городища экспедицией Таврического национального университета им. В.И. Вернадского¹. Их результаты, в совокупности с данными письменных и эпиграфических источников, позволяют на сегодняшний день достаточно уверенно выделить основные периоды в истории памятника: *позднеримско – ранневизантийский* (III – конец VIII вв.), *хазарский* (конец VIII – середина IX вв.), *фемный* (середина IX – середина XI вв.), *феодоритский* (XIV – третья четверть XV вв.) и *турецкий* (1475 г. – конец XVIII в.) [1, с. 85-88; 2, с. 746; 3, с. 29-30; 4, с. 69-70; 5; 6, с. 388]. Дальнейшее совершенствование этой исторической схемы, с уточнением ее хронологии и установлением динамики топографии городища в каждый из указанных периодов, может быть наиболее эффективным лишь в процессе публикации накопленного массива археологических источников. При этом, отмечая важность специального изучения отдельных групп вещественных находок из раскопок Мангупа, приоритет, очевидно, должен быть отдан полному изданию результатов работ на отдельных археологических объектах, раскопанных на широкой площади и имеющих надежно стратифицированный материал [7; 8; 9].

Одной из главных проблем археологического изучения Мангупского городища, впрочем, как и любого другого памятника из группы «пещерных городов» Юго-Западного Крыма, являются плохая сохранность и зачастую малая мощность культурного слоя на значительной площади плато. Несмотря на системный характер проводимых исследований, долгое время не удавалось выявить где-либо участок напластований, который бы отражал все основные периоды

¹ В 1967 г. Крымский педагогический институт им. М.В. Фрунзе (КГПИ), с 1971 г. – Симферопольский государственный университет им. М.В. Фрунзе (СГУ), с 2001 г. – Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского (ТНУ).

жизни поселения. Как правило, в стратиграфии наиболее важных архитектурно-археологических комплексов городища (Дворца 1425 г., Большой базилики, Цитадели) лучше всего представлены горизонты XV-XVII вв., отражающие наиболее поздние этапы его истории. Находки более раннего времени есть, но они немногочисленны и фиксируются обычно в переотложенном состоянии.

Эту особенность стратиграфической ситуации на Мангупе, вероятно, не следует пытаться объяснить какой-либо одной причиной и, тем более, формализовать ее в исторических построениях. Многолетний опыт ведения археологических работ на памятнике позволяет нам выделить несколько факторов, определяющих условия формирования, а также степень сохранности культурного слоя в той или иной части поселения. Во-первых, строительная активность в период княжества Феодоро (XIV в. – 1475 г.), фактически приведшая к уничтожению раннесредневековых горизонтов на месте объектов в центральной части городища (Дворец 1425 г., Большая базилика). Во-вторых, периодическое удаление накопившихся культурных напластований с поверхности плато с целью расчистки скалы – «дневного горизонта» в южной части памятника. Наиболее характерным примером таких условий формирования стратиграфии является цитадель на мысе Тешкли-бурун, на юго-восточном склоне которого в 1998 и 2003 гг. был обнаружен участок мусорных отложений, сброшенных с территории акрополя. Единовременный характер сбросов в результате строительной активности на площади цитадели в конце IX – начале X вв., в 20-х гг. XV в. и в конце XVI – начале XVII вв. позволил получить хорошо стратифицированный археологический материал, в том числе комплексы находок второй половины VI – VII вв. и X – первой половины XI вв., крайне слабо представленные в ходе раскопок в этой части городища [9, с. 426-427]. В-третьих, большие размеры плато (около 90 га), позволявшие его обитателям в разное время обживать новые территории, не возводя постройки на месте руин прежней застройки. К числу подобных объектов, стратиграфия которых отражает лишь определенный отрезок времени в жизни Мангупа, прежде всего, следует отнести раскоп на месте городской свалки у тыльной стороны Второй линии обороны в верховьях балки Табана-дере (2005-2006 гг.), позволивший сделать вывод о начале формирования культурного слоя в этой части городища не ранее второй половины XVI – начала XVII вв. Напротив, лишь напластования ранневизантийского времени представлены на площади раскопов в Лагерной балке (1978-1997 гг.) и в расселине Демир-Капу (укрепление А.XIX; 2002-2003 гг.) [7, с. 328-330]². Наконец, следует учесть, что значительная часть плато остается все еще не затронутой раскопками (рис. 1).

² В настоящий момент материалы стратиграфических исследований на участке застройки в верховьях балки Табана-дере и в Лагерной балке готовятся к публикации.

Наиболее перспективным направлением поиска нового участка исследования поселения, где можно было бы ожидать получение полной стратиграфической колонки его жизни, являются верховья балки Гамам-дере. Проведенные в этом районе городища в 1997, 2001-2005 гг. раскопки городской застройки вблизи церкви св. Константина полностью подтвердили эту гипотезу (рис. 1; 2). Именно здесь впервые на площади одного раскопа были последовательно изучены культурные напластования и соответствующие им горизонты жилой и хозяйственной застройки, отражающие все основные этапы функционирования Мангупского городища, начиная от ранневизантийского периода до турецкого времени.

Верхний ярус застройки (*I горизонт*) представлен остатками двух зданий (№№ 3 и 4) и отдельных кладок, семи хозяйственных ям, а также 11 безынвентарных погребений, отражая характер использования данного участка городища его населением в течение XVI-XVIII вв. (рис. 18). *II горизонт* образуют сооружения, датирующиеся в пределах XIV-XV вв. (здания №№ 1 и 6, ямы №№ 17 и 32) (рис. 51). *III горизонт* застройки на территории раскопа представлен однокамерными зданиями №№ 2 и 5 со смежной стеной, к которым с юго-запада пристроено прямоугольное в плане хозяйственное помещение. Открытые строения являются постройками полужемляночного типа, стены которых сложены на глиняном растворе, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки, местами «в елку». Извлеченный при зачистке и выборке полов археологический материал (амфоры «причерноморского типа», салтово-маяцкая керамика, ойнохои и кувшины с росписью линиями ангоба) позволяет уверенно датировать комплекс в пределах IX в. На сегодняшний день это единственная раскопанная на Мангупе постройка, которую есть веские основания соотнести с хазарским периодом в истории городища (рис. 52). Наконец, нижний (*IV горизонт*) ярус застройки сформировался в наиболее ранний период использования данного участка плато и представлен 60 ямами, вырубленными в материковом суглинке либо в деструктурированной скале. Предварительно датировка сооружений отнесена ко второй половине VI – середине VII вв., хотя не исключается ее уточнение в сторону более поздней даты (рис. 53).

Проведенные археологические исследования позволили получить многочисленный и разнообразный археологический материал. Несмотря на то, что на этапе подготовки полной публикации их результатов требуется специальное изучение отдельных групп керамических находок, изделий из кости, стекла, металла, обширной коллекции монет (всего 116 экз.) и моливдовулов (4 экз.), остеологических артефактов, уже сейчас можно определенно заключить, что сама возможность вести раскопки на широкой площади, с последовательным открытием разновременных строительных остатков, сопровождающихся

обилием закрытых археологических комплексов (всего к таковым относится 71 комплекс находок), превращает данный объект в один из эталонных памятников при изучении основных этапов в истории Мангупского городища.

Учитывая значительный объем и разнообразие полученной в ходе исследований информации, настоящую работу следует рассматривать как своеобразное введение к серии публикации основных результатов раскопок вблизи церкви св. Константина³. В этой связи она ограничена общей характеристикой памятника, истории его изучения, стратиграфической ситуации, а также, более детально, анализом остатков I (верхнего) горизонта жилой и хозяйственной застройки и связанных с ним археологических комплексов находок.

История изучения. Церковь св. Константина расположена в центральной части Мангупа, в непосредственной близости от верховий Гамам-дере, приблизительно в 100 м к западу от наивысшей точки плато, отмеченной триангуляционным знаком (рис. 1). Вероятно, впервые об этом храме упомянул академик П.С. Паллас, видевший в самом конце XVIII в. в его полуразрушенной апсиде остатки фрески Богоматери [10, с. 64]. Данное замечание, видимо, стало решающим для того, чтобы в научную и краеведческую литературу памятник надолго вошел под названием «храма (церкви) Богородицы» [11, с. 72-74; 12, с. 77-78; 13, с. 569; 14, с. 184]. На сегодняшний день от этого условного обозначения, скорее всего, следует отказаться. Проведенные раскопки внутри храма и на его некрополе показали, что он был возведен в XV в., подвергся разрушению в 1475 г., затем был восстановлен и продолжал использоваться еще в первой половине XVII в. Таким образом, он относится к числу немногочисленных христианских церквей, действовавших на городище в турецкое время. Мартин Броневский, посетивший Мангуп в 1578 г., называет лишь два таких храма – св. Георгия и св. Константина [15, с. 343; 16, с. 167]. Первый уверенно локализуется на месте руин церкви в верховьях Капу-дере, из раскопок которой в 1912 г. происходит фрагмент известняковой плиты с рельефной фигурой всадника [17, с. 74-75, рис. 2,2; 3; 18, с. 267]. Очевидно, этот барельеф с изображением св. Георгия, попирающего дракона, в уже пустующем храме видел в 1666-1667 гг. Эвлия Челеби [19, с. 34]⁴. Учитывая тот факт, что после событий 1475 г. территория Большой базилики в центральной части Мангупского плато, по сути, использовалась как позднехристианский некрополь, именно храмовый комплекс, исследованный в верховьях Гамам-дере, вернее всего, отождествлять с церковью св. Константина [16, с. 195; 20, с. 123-124].

³ Руководство работами осуществлялось А.Г. Герценым, В.Е. Науменко и О.С. Ивановой, фотофиксация объектов выполнена А.Г. Герценым, планы и стратиграфические разрезы – В.Е. Науменко, Л.П. Щусь и О.С. Ивановой. Обработка археологических материалов производилась А.В. Смокотиной, при участии А.Ю. Земляковой и В.Е. Науменко.

⁴ Правда, Эвлия Челеби отмечает, что плита была мраморная, что, вероятно, следует объяснять обычной забывчивостью человека, писавшего об увиденном некоторое время спустя.

Еще в середине XIX в., судя по рисунку из неопубликованного альбома графа А.С. Уварова, стены церкви св. Константина сохранялись практически на полную высоту, что не могло не вызвать интереса первых исследователей Мангупа. Предположительно, уже в 1912 г. небольшие по объему археологические работы внутри нее, а также на территории некрополя, проводила экспедиция Р.Х. Лепера. В своем предварительном отчете ее руководитель сообщал об исследовании нескольких «могил на северо-восточном выступе (мыс Елли-бурун – *авт.*), по-видимому, христианских, но с такими же надгробными памятниками, как над еврейскими могилами в Табана-дере. Предметов не найдено, кроме византийских поливных черепков и бронзового бубенчика, подобного находимым в Херсонесе» [17, с. 74, рис. 2, 1]. К сожалению, краткость отчета Р.Х. Лепера и несовершенство приведенного им плана-схемы Мангупа с указанием объектов, раскопанных в 1912 г., не позволяют настаивать на отождествлении этого памятника с церковью св. Константина. Не исключено, что под ним следует подразумевать другую квартальную церковь, расположенную в верховьях Капу-дере, между цитаделью и церковью св. Георгия. Как бы то ни было, раскопки Р.Х. Лепера остались не законченными, а их материалы не опубликованными.

В начале 90-х гг. XX в. в связи с появлением на кладбище храма нескольких грабительских «шурфов», археологическое изучение памятника было начато экспедицией СГУ (рис. 2). В течение первых полевых сезонов (1992-1994 гг.) были полностью раскопаны здание церкви с прилегающей территорией, расчищены от растительности обе террасы прихрамового кладбища, после чего осуществлена инструментальная съемка памятника. С целью уточнения стратиграфии и границ комплекса, в 1993, 1998-2000 гг. на нескольких раскопах общей площадью 125 м² исследовался его некрополь. Всего за эти годы было изучено 175 погребальных сооружений, в том числе 167 грунтовых и 6 плитовых могил, а также 2 гробницы, вырубленных в скале внутри храма. К числу неординарных находок следует, несомненно, отнести открытие в 1993 г. в одной из скальных гробниц скелета человека преклонного возраста, при котором находились нательный крест из зеленой яшмы с серебряной оковкой, створка литого креста-энколпиона и железная звезда, употребляющаяся в литургии в конце проскомидии для удержания покровов над дискосом с частичками просфоры. Очевидно, что этот погребальный инвентарь указывает на то, что усопший был священником, служившим при храме. Только ему мог принадлежать клад, запрятанный в углублении под алтарной преградой со стороны престола, вероятно, храмовая казна, состоявшая из 111 серебряных монет хана Девлет Гирея I (1550-1577). Скорее всего, погребенный был именно тем священником, с которым встретился Мартин Броневский на Мангупе и от которого, «старика честного и умного», получил весьма достоверные

сведения об истории города. Вскоре после этого (1578 г.) он умер и был удостоен чести быть погребенным внутри храма [16, с. 168, 195; 20, с. 124]. Таким образом, появляется уникальная возможность связать открытый археологический погребальный комплекс с историческим лицом, известным в письменном источнике. Другой находкой, имеющей самостоятельный научный интерес, является найденный при исследованиях некрополя в 2000 г. византийский моливдовул X в., на тот момент один из первых памятников сфрагистики из раскопок Мангупского городища [21, с. 60].

Если первоначально (1997 г.) перенесение участка исследований за пределы церковного комплекса носило рекогносцировочный характер, главной целью которого по-прежнему являлось уточнение внешних границ его некрополя, то, начиная с 2001 г., ведение раскопок здесь объяснялось двумя важными заключениями, сделанными во время предыдущих работ (рис. 2)⁵. Во-первых, несмотря на установление хронологии церкви и ее кладбища в пределах XV – первой половины XVII вв., в ходе исследований 90-х гг. XX в. был получен значительный массив «переотложенного» керамического и нумизматического материала, датированного более ранним временем. Кроме того, в 1993 г. к востоку от апсиды храма зачищены остатки вырубленной в скале виноградодавильни, а на площади квадратов 1998-2000 гг. – участок нетронутого раннесредневекового культурного слоя. Очевидным становится заключение о существовании на месте церкви св. Константина более ранней городской застройки, уничтоженной в период ее строительства. Во-вторых, уже в процессе первоначальных работ снаружи ограды храма в 1997 г., помимо обилия раннесредневековых находок, обратило на себя внимание резкое увеличение мощности слоя в связи с понижением материковой поверхности в направлении тальвега Гамам-дере, что при расширении площади данного раскопа позволяло ожидать открытия презентательных строительных остатков, синхронных археологическим материалам.

Стратиграфическая ситуация. Раскоп 1997, 2001-2005 гг. состоял из 13 условных квадратов (А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М, Н), контуры и размеры которых зависели от сложившейся к моменту их разбивки планиграфической и стратиграфической ситуации на участке исследований. Его общая площадь составила около 600 м², с перепадом рельефа местности в направлении с юга на север около 3,0 м. Раскопки велись послойно, с тщательной зачисткой нижележащего культурного горизонта и фиксацией каждого яруса открываемой жилой и хозяйственной застройки. На большей части раскопа их удалось довести до уровня материковой поверхности, за ис-

⁵ На площади квадратов А (1997 г.) и Г (2001 г.) были изучены еще 11 безынвентарных грунтовых погребений (рис. 18; 33).

ключением внутреннего пространства помещения 3 здания № 1 (квадраты Д и Е) и участка между кладкой 15, зданиями №№ 1 и 2 (квадраты В и Г), где они были приостановлены на уровне, соответственно, «пола» постройки и надматерикового культурного слоя⁶. Контроль за стратиграфической ситуацией осуществлялся с помощью бровок, а также временных стратиграфических профилей, убранных в процессе раскопок (рис. 2-8; 18; 51-53).

Общая мощность культурных напластований на территории участка исследований колебалась в среднем от 1,0 до 1,8-2,2 м, повышаясь в направлении тальвега балки. Наименьшую глубину культурный слой имел в юго-восточной части раскопа (квадраты А и Д) (до 0,2-0,4 м), наибольшую – в яме № 73 (квадрат И) (до 2,65 м). В ходе раскопок выявлены четыре основных культурных слоя, каждый из которых, за исключением верхнего (дернового) слоя, отражает функционирование определенного горизонта застройки. Локальный характер носят «ветровые наносы», заполнения ям и строительных траншей, нивелировочные подсыпки, слои функционирования и разрушения зданий (рис. 9-17; 25; 32). Если формирование прослоев «ветровых наносов», зафиксированных при зачистке строительных остатков стратиграфически наиболее позднего верхнего яруса застройки, отражает процесс естественного запустения городского квартала в верховьях Гамам-дере, то образование остальных локальных горизонтов связано с антропогенным фактором – хозяйственной деятельностью населения этого района городища в тот или иной период его истории. Это позволяет уверенно отнести их к разряду закрытых археологических комплексов, играющих важную роль при определении хронологии каждого из горизонтов застройки.

Верхним культурным горизонтом на участке исследований в районе церкви св. Константина, как уже отмечалось, является **дерновый слой** (рис. 9-17; 25; 32). Зафиксирован по всей площади раскопа мощностью 0,05-0,3 м, местами перекрытый слоями отвалов. Наибольшую глубину имеет внутри здания № 4, на месте «воронки» от корней большого дерева (до 0,65 м) (рис. 18; 25). По структуре представляет собой гумусированный черный рыхлый грунт, насыщенный корнями кустарников и деревьев, разномерным бутовым и обработанным камнем, щебнем. Комплекс археологического материала из слоя состоит в основном из мелких разновременных, от периода раннего средневековья до турецкого времени, фрагментов керамики с сильно окатанными краями. Такова же по структуре небольшая коллекция нумизматических находок (6 экз.), где присутствуют, кроме монет Византийской империи времени правления Юстиниана I (527-565) и Романа I Лакапина (920-944), биллонные

⁶ Окончательное доследование этих культурных горизонтов станет возможным лишь при расширении площади участка исследований.

акче Крымского ханства, выпущенные при Девлет Гирее I (1550-1577) и Мухаммед Гирее II (1577-1584) (3 экз.) (см. Приложение № 1, №№ 5-10)⁷.

Вторым слоем является серый рыхлый грунт, насыщенный разномерным бутовым камнем, щебнем, зольными и известковыми пятнами (разложившийся строительный раствор). Его мощность колеблется в пределах 0,3-0,8 м, возрастая до 1,2 м в центральной части участка исследований (квадраты Е и Ж). В западной части раскопа, особенно в квадратах И и Н, нижним горизонтом 2-го слоя является практически сплошной раскат мелкого и среднего бутового камня. На участке, занятом зданием № 3, а также вдоль юго-восточного борта квадрата М, отделен от нижележащего культурного слоя «слоем пожара» мощностью до 0,1 м. В восточной части квадратов А и Ж, где уровень материковой поверхности резко повышается, залегает непосредственно на скале (рис. 9-17; 25; 32). Несмотря на свою рыхлую структуру и насыщенность разномерным камнем, 2-й слой трудно классифицировать как «слой разрушения» построек. Для этого отсутствуют характерные признаки подобного рода культурных горизонтов: сплошной развал стен, горелые деревянные конструкции, черепичные завалы крыш внутри строений. Лишь при зачистке подошвы слоя внутри помещения 1 здания № 1 и в здании № 3 зачищены отдельные скопления фрагментов черепицы. Однако их незначительная площадь не дает оснований говорить о гибели построек. Скорее всего, формирование 2-го слоя на территории раскопа происходило не только в процессе функционирования застройки I (верхнего) горизонта, но и в ходе запустения этого участка городища, сопровождавшегося забрасыванием жилых и хозяйственных комплексов и разбором их стен на строительный материал.

Третьим слоем на большей части участка исследований является светлосерый плотный грунт, насыщенный мелким камнем и щебнем, керамической и известняковой крошкой, зольными пятнами, прослойками разложившегося известкового раствора и углями на поверхности мощностью от 0,1 до 0,6 м. Вдоль северо-восточного борта раскопа залегает непосредственно на скале. В то же время отметим, что 3-й слой выделен, несколько условно, как основной культурный горизонт на площади раскопа. Он совершенно отсутствует в центральной, южной и восточной частях (квадраты А, Б, В, Д, З и М), слабо выражен в квадратах Г и К. Лучше всего 3-й слой сохранился в западной части раскопа (квадраты И, Н, Л) и под зданием № 3 (квадраты Е и Ж) (рис. 9-17; 25; 32). Интерпретируется как «слой функционирования» II горизонта застройки на исследуемом участке.

⁷ Из дернового слоя происходит также фрагмент моливдовула (квадрат Л; 2004 г.). Еще три византийские печати найдены в 2003 г. при выборке 2-го и зачистке 4-го слоев в квадрате К, а также в заполнении строительной траншеи № 1 (квадрат Е-Ж). Они будут введены в научный оборот в специальной публикации вместе с другими сфрагистическими материалами, обнаруженными в ходе раскопок Мангупского городища в последние годы.

Четвертым слоем на большей части раскопа, за исключением квадратов А, Б и Д, является коричневый плотный грунт с мелким бутовым камнем и щебнем мощностью 0,4-0,8 м. Залегает непосредственно на материке, однако, на участках его понижения – в северной части квадрата Е-Ж-Л, вдоль северо-западного борта раскопа в квадратах И и Н, под «полом» здания 5 в квадрате И-3 – сохраняя в целом свою структуру, приобретает темно-коричневый оттенок. Этот грунт, выбиравшийся в ходе работ отдельно, был обозначен как «*нижний горизонт 4-го слоя*». Его мощность, в зависимости от рельефа местности, колеблется в пределах 0,1-0,4 м. По сути, нижний горизонт 4-го слоя образовался в процессе постепенного оплывания бортов многочисленных хозяйственных ям, составивших IV горизонт застройки на площади раскопа, которые были выкопаны с поверхности либо в ходе формирования 4-го слоя (рис. 9-17; 25; 32)⁸.

Наконец, материком на большей части раскопа является монолитная скала, поверхность которой в северо-западном направлении приобретает деструктурированный (слоящийся, местами порошкообразный) характер. Непосредственно в русле тальвега балки культурный слой подстилает ярко-коричневый плотный материковый суглинок (рис. 53).

Первый (верхний) горизонт жилой и хозяйственной застройки отражает наиболее поздний период использования района церкви св. Константина населением Мангупского городища, очевидно, в турецкое время (XVI-XVIII вв.). Он представлен остатками зданий №№ 3 и 4, стеной-крепидой (кладка 36), семью хозяйственными ямами (№№ 1-3, 15, 16, 18, 32) и фрагментами тринадцати отдельных кладок (№№ 4, 5, 12, 13, 16, 17, 19, 24, 26, 27, 29, 35, 44), точное назначение и форму которых определить трудно (рис. 18).

Лучше всего сохранилось **здание № 4** – однокамерная прямоугольная в плане постройка площадью около 20 м², сориентированная по оси С-З–Ю-В (рис. 5; 18; 22; 23; 25; 28-31). Ее стены повторяют контур «котлована», сооруженного на глубину 0,4-0,7 м от уровня 2-го слоя – дневной поверхности времени возведения здания. Сложены «вперевязь», на поверхности 3-го слоя, из бутового среднего и крупного (в нижних рядах) с обработанной лицевой поверхностью камня, на грязевом связующем растворе, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки шириной в пределах 0,7-0,9 м. Исключение – внешний панцирь северо-западной стены (кладка 34), уложенный на уровень 2-го слоя, что, возможно, указывает на более поздние ремонты постройки. Отсутствует внешний панцирь юго-восточной стены здания (кладка 20).

⁸ В квадрате М 4-му слою тождественен, по структуре и времени образования, 3-й слой, что связано с отсутствием, как уже отмечалось, вышележащего культурного горизонта в этой части раскопа.

С этой стороны его контур ограничен однорядной бутовой кладкой 23, обращенной вовнутрь постройки, с забутованным между ними пространством шириной около 1,0 м. Ряды кладки стен постройки в целом выдержаны, для чего использовался мелкий бутовый камень и крупные фрагменты керамики. «Полом» здания 4 является вымостка из крупных мергелевых плит, сохранившаяся *in situ* в его центральной части, уложенная на каменной нивелировочной субструкции. Вероятно, одновременно с возведением постройки к ее северо-восточной стене (кладка 22) была пристроена треугольная в плане кладка 40, контур которой ограничен крупными бутовыми с лицевой подтеской камнями. Пространство между нею и зданием 4 также было забутовано мелким камнем. Назначение кладки осталось не выясненным.

Лишь фундаментами отдельных стен представлены остатки многокамерного **здания № 3**, точный контур которого проследить не удалось (рис. 18; 20; 21; 26; 27). От него на высоту 1-3 ряда (до 0,7 м) сохранились фрагменты кладок 7, 8 и 14, сложенных из бутового среднего и мелкого камня, со вторичным использованием обработанных камней, без связующего раствора, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки шириной 0,4-0,5 м. Основанием для сооружения здания № 3 послужила поверхность «слоя пожара» на 3-м слое, местами – нижнего горизонта 2-го слоя. При ее зачистке внутри постройки зафиксированы множество плоско лежащих фрагментов коричневоглиняной желобчатой черепицы типа «татарка» и черепичная вымостка округлой формы диаметром около 0,5 м, скорее всего, остатки «пода» тандырной печи.

В юго-западной части раскопа (квадраты М и Н) на протяжении 6,75 м открыта **стена-крепида (кладка 36)**, сориентированная по оси С-Ю (рис. 18). Сложена из разномерных бутовых камней, обращенных лицевой стороной на восток, без связующего раствора, в технике однорядной кладки шириной 0,25-0,6 м. Сохранился лишь нижний ряд крепиды, сооруженный на поверхности 2-го слоя, на каменной субструкции.

В процессе раскопок I горизонта застройки были изучены семь **хозяйственных ям** (рис. 18). Пять из них располагались к востоку от стены-крепиды (№№ 1-3, 16, 32), одна была засыпана при ее строительстве (№ 18), еще одна зафиксирована в южной части квадрата М (№ 15). Несмотря на то, что большая часть ям, за исключением ямы № 16, была обнаружена лишь при зачистке поверхности 3-го слоя, стратиграфические наблюдения позволяют соотнести их сооружение со временем формирования на участке исследований 2-го культурного горизонта. К сожалению, других оснований для такого заключения немного. Из заполнения ям №№ 1-3, 15, 18, 32 серого различной плотности грунта с камнем, разделенного иногда прослойками золы и пепла (№№ 2 и 3), происходит крайне невыразительный археологический

материал, среди которого необходимо выделить большое количество фрагментов амфорной тары раннесредневекового времени, восемь синхронных им позднеримских и ранневизантийских монет IV-VI вв., а также медную анонимную монету Золотой Орды XIV в. (?) из «нижнего зольника» ямы № 2 (см. Приложение № 1, №№ 16, 18, 20, 22, 23, 29, 30, 36, 46). Наличие этого явно переотложенного материала объясняется не только многослойностью нашего памятника, но и тем, что рассматриваемые ямы были вырыты до уровня надматерикового (№№ 1, 15, 16, 18) или даже материкового слоя (№№ 2, 3, 16), что привело к выбросу в заполнение комплексов турецкого периода данного участка городища материалов значительно более раннего времени. Конструктивно указанные хозяйственные ямы, округлые в плане, диаметром от 1,3-1,5 до 2,4-2,9 м, глубиной от 0,3-0,5 до 1,0-1,1 м, с плавно сужающимися ко дну бортами (конусовидный профиль)⁹. Борты котлована ямы № 2 в нижней части были обложены мелким бутовым камнем, плотно пригнанным друг к другу. «Крепидный» характер этой обкладки подтвердился после ее выборки, приведшей к резкому и быстрому разрушению бортов.

Несколько слов о конструктивных особенностях **хозяйственной ямы № 16** (рис. 18; 24; 32), содержащей выразительный комплекс археологического материала, о котором речь пойдет ниже, при анализе хронологии комплексов I горизонта застройки. Округлая в плане, диаметром 1,08-1,18 м, с почти вертикальными бортами, слабо сужающимися ко дну (цилиндрический профиль). Вырыта с поверхности 2-го слоя до уровня материкового суглинка на общую глубину до 1,6 м. Сверху заполнена слоем золы и пепла мощностью до 0,5 м, ниже – серым рыхлым грунтом с щебнем.

Погребения. При зачистке и выборке 2-го слоя в квадратах А и Г, на небольшом пространстве вдоль юго-восточного борта участка исследований, были раскопаны 11 погребений: 6 мужских (№№ 2, 5-9), 3 женских (№№ 1, 10, 11) и 2 подростковых (№№ 3, 4; возраст 10-12 лет и 13-15 лет, соответственно) (рис. 18; 33)¹⁰. Несмотря на отсутствие сопровождающего инвентаря, можно уверенно говорить о том, что все они были совершены в относительно небольшой промежуток времени. Об этом свидетельствуют, во-первых, стратиграфические наблюдения, позволяющие относить их ко времени заключительного этапа формирования 2-го слоя¹¹. Во-вторых, сходный погребальный обряд (вытянутые труположения на спине с согнутыми в локтевом суставе руками) и ориентация (по оси юго-запад–северо-восток). Исключением является

⁹ Яма № 1 сохранилась на глубину 0,1 м; яма № 32 в плане овальная, диаметром 0,65-1,0 м.

¹⁰ Погребение № 6 двойное. Мужское захоронение сопровождалось погребением ребенка в возрасте 1-2 лет.

¹¹ К сожалению, особенности грунта не позволили в большинстве случаев точно зафиксировать контуры могильных ям.

погребение № 10 – скорченное труположение на левом боку. В-третьих, отмечаем, что все погребения совершены за пределами некрополя церкви св. Константина и, очевидно, отражают последний период его функционирования.

Хронология I горизонта застройки основывается не только на стратиграфических наблюдениях, позволяющих, как уже неоднократно отмечалось, все описанные жилые, хозяйственные и погребальные комплексы соотнести со временем формирования на площади раскопа 2-го культурного горизонта, наиболее позднего на участке исследований. Некоторые из открытых кладок строений (№№ 13, 17, 26, 36, 44) были задернованы, то есть прослеживались уже после уборки мусора на территории раскопа. Основания же для получения более точных дат формирования и функционирования данного яруса застройки следуют из изучения археологического материала 2-го слоя и отдельных закрытых комплексов.

Археологический комплекс 2-го слоя представлен многочисленными мелкими обломками разновременной керамики с сильно окатанными краями, а также металлических, стеклянных и костяных изделий. Фрагментарность и плохая сохранность вещественного материала привели к тому, что от 10 до 30 % находок на различных участках раскопа остались без точной функциональной и соответственно хронологической атрибуции. Из определяемых же артефактов большинство (от 50 до 80 % от общего количества находок) относится к двум четко выраженным хронологическим группам – периодам раннего средневековья (не позднее X в.) и княжества Феодоро (XIV-XV вв.). Тем не менее, как станет ясно из дальнейшего изложения, они не носят датирующего характера и рассматриваются в комплексе 2-го слоя как обычная для многослойных памятников «примесь снизу». Это делает возможным ограничить их характеристику описанием лишь некоторых керамических и нумизматических находок, имеющих самостоятельный научный интерес.

Среди находок керамики к таковым относятся, прежде всего, фрагменты доньев от красноглиняных поливных сосудов с остатками монограмм, выполненных гравированными линиями по белому ангобу, до обжига изделий. Одна из монограмм, под желтой кроющей глазурью, может быть предварительно дешифрована как имя одного из правителей II Болгарского царства из династии Шишмановичей – Михаила (1330-1331) (?) или, скорее всего, Ивана (1371-1393) (рис. 44, 3). Находит аналогии среди керамических материалов из раскопок Царского дворца в Тырново [22, с. 66, обр. 49,5; 50,2]. Если наше предположение верно, то следует признать уникальность находки, впервые встреченной среди глазурованных сосудов XIV-XV вв. с монограммами в Крыму¹².

¹² Специальному изучению этой группы керамики (всего 14 разновидностей монограмм) посвящена недавняя статья В.Л. Мыца, где содержится наиболее полная ее сводка [23, с. 288-305].

Другая, под светло-зеленой кроющей глазурью, пополняет группу тарелок и мисок с монограммами «ТХ» или в одном случае «ТХВ», происходящую из комплексов XV в. Мангула и Чембало (рис. 44, 4) [23, с. 294-295, рис. 2, 6; 5-7; 24, с. 414, рис. 13, е; 25, с. 122-123, табл. 2, 25-32; 26, с. 183-186, рис. 2; 3, 3; 27, с. 102, рис. 43-45; 28, с. 55, рис. 102; 31, с. 261, рис. 6, 1]¹³. Вопрос содержания монограмм долгое время оставался дискуссионным в историографии. А.Л. Якобсон и вслед за ним В.Н. Даниленко и А.И. Романчук видели в ней имя правителя Мангула Хуйтани [24, с. 414; 25, с. 123], известного по надписи 1361-1362 гг., опубликованной Н.В. Малицким [29, с. 9-14]. В.Л. Мыц, неверно интерпретируя титул Мангупского правителя «текур» («правитель») османских источников в период осады 1475 г. как имя собственное (Техур), первоначально связал с ним интересующую нас монограмму [26, с. 183, 186], но отказался от этой версии в последнее время [23, с. 295]. В.Н. Залеская предложила расшифровывать лигатуру «ХТ» как Χ[ριστός] Τ[ρόπαιον] или Τ[εῖχος] («Христос – победное знамя (твердыня)»), а «ХКВ» – Χ[ριστός] Τ[ρόπαιον] (или Τ[εῖχος]) Β[οήθει] («Христос – победное знамя (твердыня), помощи») [30, с. 374]. На сегодняшний день данная гипотеза кажется наиболее вероятной.

В пределах второй половины XIV-XV вв. датируются фрагменты донной части миски (?) с сохранившимся изображением туловища птицы (голубя?) и двух спекшихся при обжиге доньев на кольцевых поддонах от глазурованных сосудов (рис. 44, 1, 2). Несмотря на то, что черепок и поливное покрытие сосудов сильно обгорели, их уверенно соотносим с группой красноглиняной глазурованной керамики с декором в технике «сграффито», под монохромной желтого (или зеленого) цвета глазурью, иногда с зеленой или коричневой подцветкой окислами металлов (т.н. «полихромная глазурованная керамика»), производившейся в это время, как показывают археологические исследования, во многих городских центрах Таврики [32, с. 147; 33, с. 68; 34, с. 82-89; 35, с. 108-112; 28, рис. 81; 36, рис. 86; 37, рис. 104, 119; 38, рис. 80-81; 39, с. 324-333, рис. 1-14]. Первый фрагмент (рис. 44, 1) находит аналогии среди опубликованных материалов XV в. Мангула, Кафы, Алустана и Чембало [31, с. 262, рис. 14, 6, 7; 36, рис. 68; 40, с. 349-352, рис. 1-6], второй, очевидно, брак керамического производства (рис. 44, 2), служит пока единственным прямым материальным подтверждением уже высказанной ранее гипотезы об изготовлении этой группы керамики на Мангупском городище [25, с. 130; 31, с. 262].

Наконец, отметим один из немногих полных профилей поливной тарелки под желтой кроющей глазурью с «елочным» орнаментом в технике

¹³ Неопубликованными остаются находки подобных сосудов, обнаруженных в «слоях пожаров» 1475 г. в Алустане и Фуне, о которых сообщает В.Л. Мыц [23, с. 294].

«сграффито» (рис. 44,5), аналогичный по декору сосуду из культурного слоя золотоордынского Азака [41, с. 102, рис. 3,11].

Из 49 монет, найденных во время исследования I горизонта застройки, к числу «переотложенных» археологических материалов относятся 40 экземпляров (см. Приложение № 1, №№ 11-47, 50-52)¹⁴. Три из них датируются античным временем (№№ 11-13), остальные, как и керамическая «примесь снизу», делятся на две хронологические группы. Первая охватывает период раннего средневековья и состоит из номиналов Боспорского царства, Позднеримской и Византийской империи IV-VI вв. Наиболее поздней в этой группе является редкая для Мангупа монета времени правления императора Романа II (959-963), выпущенная в Херсоне (№ 37). Следующий временной отрезок отражен турецкими и золотоордынскими монетами XIV в., серебряной османской акче султана Мехмеда II 481 г. выпуска (№ 47) и номиналами первых правителей Крымского ханства – Хаджи Гирея (1422-1466) и Менгли Гирея I (1467-1515), выпущенных не позднее 80-х гг. XV в. (№№ 50-52).

Датирующих находок во 2-м слое немного – до 15% от общего количества артефактов на различных участках раскопа. Кроме того, трудности при их выделении объясняются в целом слабой опубликованностью и соответственно разработанностью типологии и хронологии археологических материалов XVI-XVIII вв. из раскопок памятников не только Крымского полуострова, но и в целом Причерноморского региона. Это вынуждает нас в данной публикации ориентироваться, в первую очередь, на собственные наблюдения, сделанные в процессе многолетних исследований Мангупского городища, особенно на этапе обработки полученных археологических материалов.

Археологический комплекс находок XVI-XVIII вв. из 2-го слоя состоит в основном из фрагментов строительной, бытовой неглазурованной и глазурованной керамики, сосудов из фаянса, а также глиняных курительных трубок и отдельных металлических изделий. Строительная керамика представлена обломками коричневоглиняной черепицы с дуговидным профилем типа «тарка» с несколькими поперечными желобками по краю. Является доминирующим типом черепицы на объектах Мангупского городища в турецкое время [9, с. 380]. В разряд тарной керамики следует отнести фрагменты крупных сосудов с вогнутым плоско срезанным венчиком с внешним выступом-манжетом (под крышку?). Черепок темно-коричневого цвета, тесто довольно плотное с включениями известняка, карасана и пироксена, из-за чего поверхность приобретает хруповатый характер. Поверхность покрыта ангобом в тон черепку (рис. 34,3,4). Фрагментарность находок позволяет лишь

¹⁴ Еще две монеты остались не атрибутированными (№№ 58, 59), остальные носят датирующий характер (№№ 48, 49, 53-57).

предположительно связать их с группой так называемых плоскодонных «урн с горизонтальными ручками», округлыми в сечении, крепившимися в верхней части тулова. Известны по раскопкам культурных горизонтов и комплексов второй половины XVII – начала XVIII вв. Азова и Лютика, а также музейным керамическим коллекциям турецкого времени Измаила, Белгород-Днепровского, Новороссийска, Темрюка и Ялты [42, с. 63-64, рис. 7; 43, с. 17, табл. 3,7-9; 44, с. 94; 45, с. 484-485, рис. 2,1-3]¹⁵. И.В. Волков допускает возможность их отождествления с «куфами» – керамическими бочками, регулярно упоминавшимися в источниках XVII-XVIII вв. для обозначения тары при перевозках [45, с. 485]¹⁶. Для Мангупа они, вероятно, являлись обычным материалом, о чем свидетельствует их присутствие среди находок в верхнем «строительном сбросе» конца XVI – начала XVII вв. с поверхности цитадели городища на склоны мыса Тешкли-бурун [9, с. 383, рис. 10,2,3].

Для группы бытовой коричневоглиняной неглазурованной керамики, изготовленной из плотного теста с включениями известняка, карасана и песка и покрытых неравномерно ангобом в тон черепку или несколько темнее, характерны кувшины с цилиндрическим или слабо отогнутым утолщенным, ойнохоевидным, клювовидным венчиками, украшенные зональным гребенчатым рифлением, росписью линиями светлого ангоба либо штампованным орнаментом (рис. 35, 1-7; 36, 3-9), кувшины с носиками (куманы?) (рис. 34, 5, 6), горшки с прикрепленной к S-видному, рельсовидному или подтреугольному венчику ручкой овальной в сечении, также украшенной росписью линиями светлого ангоба в виде ромбической сетки (рис. 35, 8-11; 36, 1, 2), туваки (детские горшки) с горизонтально отогнутым краем (рис. 34, 1, 2), миски с вертикальным либо слабо вогнутым, валикообразным или подтреугольным в сечении краем (рис. 37, 1-5, 7-10). Реже встречаются неглубокие тарелки с горизонтально отогнутым краем (рис. 37, 6). Сосуды открытого типа могли быть снаружи украшены неглубоким гребенчатым рифлением либо росписью концентрическими линиями светлого ангоба.

Глазурованная красноглиняная керамика представлена плоскодонными кувшинами с ручкой овальной в сечении и цилиндрическим слабо рифленным

¹⁵ Как справедливо отметил И.В. Волков, урны из Ялтинского краеведческого музея, найденные как подъемный материал в Ласпи и Бекетово ошибочно были отнесены Е.А. Паршиной к XIII-XIV вв. [45, с. 484].

¹⁶ В своей работе мы сохраняем наименование «урны с горизонтальными ручками» для того, чтобы коллегам было легче представить, о каком виде тары идет речь. В то же время следует заметить, что эта формулировка, впервые введенная в научный оборот, пожалуй, И.В. Волковым [43, с. 17], находится в явном противоречии с принятым в археологии содержанием термина «урна» – крупного сосуда, используемого в погребальной практике. По И.В. Волкову же, это разновидность тары. В то же время мы осознаем, что неточность данной формулировки отражает общее состояние изученности ассортимента и терминологии позднесредневековой керамики Причерноморья и Средиземноморья.

горлом, иногда выделенным в его средней части ребром, покрытыми монохромной зеленой (рис. 40, 4, 6, 7, 9) или желтой глазурью (рис. 40, 2, 8), крупными тарными сосудами баночного типа с вогнутым уплощенным венчиком и наружным выступом-манжетом, под монохромной кроющей глазурью зеленого цвета, впервые выявленными в ходе раскопок городища (рис. 40, 1, 2), и туваками с горизонтально отогнутым краем и плоским дном, покрытыми монохромной зеленой глазурью (рис. 38, 1; 40, 5). Группа сосудов открытого типа на «сплюснутых» кольцевых поддонах характеризуется мисками и тарелками с вертикальным подтреугольным в сечении, заостренным, рельсовидным и горизонтально отогнутым краями под монохромной темно-зеленой (рис. 38, 1, 4, 8, 10, 15; 39, 3, 7, 8), желто-коричневой (рис. 38, 2, 3, 5, 12, 14; 39, 1) или темно-коричневой глазурью (рис. 38, 11). Лишь некоторые сосуды были покрыты изнутри желтой, а снаружи зеленой глазурью (рис. 38, 13; 39, 2). Изредка орнаментированы в донной части зонами гравированных перемежающихся двойных волнистых и простых концентрических линий (рис. 39, 7), волнистыми линиями в технике «сграффито» или подглазурной росписью снаружи изделий (рис. 38, 11, 12), рядом прямых насечек по внешней стороне венчика либо на рельефном наружном валике (рис. 38, 1; 39, 1). Отметим также целый плоскодонный сосуд-подставку (?) с вертикальным краем, покрытый изнутри монохромной темно-коричневой глазурью (рис. 40, 10). Все поливные изделия сформованы из плотного теста с включениями частиц известняка, песка и мелких дробинок шамота, приобретшего после обжига коричневый цвет. Глазурь имеет ангобную подоснову. Круг аналогий, особенно по отношению к описанным мискам и тарелкам, ограничен комплексами XVII – начала XVIII вв. из Азова и Лютика [43, с. 17, табл. 3, 3-5; 45, с. 484, рис. 2, 7-9], отдельными находками из верхних культурных слоев Таманского городища [46, с. 207-208, рис. 10] и храмового комплекса на южной окраине с. Малый Маяк [47, с. 269, рис. 19]. Подобные по форме и декору глазурованные тарелки (группа «Monochrome Glazed Wares»), судя по керамологическому гиду И. Врум, обычны для комплексов конца XVI – XVIII вв. Стамбула, Ганоса, Эдирне и памятников Эгейского бассейна [48, р. 150-151].

Среди других поливных изделий отметим фрагменты сосудов под желтой кроющей глазурью с орнаментом в технике «сграффито», выполненным гравированными линиями различной толщины, подчеркнутые росписью зеленым и коричневым цветом (рис. 39, 4, 5, 9), а также мисок с подглазурной росписью группы «Polychrome (Brown and Green) Sgraffito Wares» (рис. 38, 6), распространенных в основном в XVI-XVII вв. на территории Османской империи, главным образом, в Эгейском регионе и в северо-западной части Малой Азии [48, р. 144-145; 49, р. 322-331, deposit VI, VIII, IX; 50, р. 100-114, 249-265]. Единичной находкой представлены глазурованные сосуды группы «Polychrome

Marbled Ware» с бело-красной росписью «под мрамор», бытовавшие в Средиземноморье на протяжении конца XVI – XVII вв., а на Балканах и в Малой Азии, скорее всего, и позднее [48, р. 164-165; 49, р. 328-329, fig. 18,326; 51, р. 185, fig. 4,19-21]. Оба вида поливной посуды уже известны по раскопкам Мангупского городища [25, с. 126, табл. 5,49,50; 31, с. 262, рис. 11; 14,8; 15; 16,1-4].

Фаянсовая посуда представлена немногочисленными фрагментами чашек из белой формовочной массы с подглазурной росписью кобальтом («Iznik Ware I» или «Kutahya Ware?») (рис. 41, 1-5,7) и розовоглиняной тарелки с горизонтально отогнутым краем, украшенной растительным сюжетом, выполненным белыми, синими, серо-зелеными и темно-коричневыми линиями (Iznik Ware II) (рис. 41, 6). Если атрибуция первых производству в г. Изнике верна, то, ориентируясь на классификацию Дж. Хейса, следует заметить, что обе указанные группы изделий отражают последовательные стадии керамического производства в этом ремесленной центре Османской империи, соответственно конца XV – первой четверти XVI вв. и второй четверти – середины этого столетия (около 1525-1555 гг.) [52, р. 244-245]. Однако в контексте нашего памятника мы не видим необходимости ограничивать их бытованием только этим временем. Во-первых, потому что освоение новых видов красителей, на что, в первую очередь, обращает внимание Дж. Хейс при хронологическом разделении материала, не означало, вероятно, прекращение выпуска сосудов с более простой цветовой гаммой. Во-вторых, по морфологии и технике исполнения от посуды «Iznik Ware I» мало чем отличается группа чашек типа «Kutahya Ware» с кобальтовой росписью, изготавливавшаяся в г. Кютахья, который с начала XVIII в. превратился в основной керамический центр производства фаянсовой посуды в Османской империи¹⁷. Время же начала производства фаянса в Кютахье, явно наследовавшего традиции Изника, пока является предметом научной дискуссии¹⁸.

Курительные глиняные трубки из слоя представлены семью экземплярами. Одна белоглиняная – с втулкой с биконическим валиком и цилиндрической чашкой без выделенного венчика (рис. 42, 1). Остальные красноглиняные с отбитой чашкой. Сохранившаяся втулка у четырех из них завершается округлым либо биконическим валиком с венчиком или без него (рис. 42, 2, 4-6); у одной втулка с расширяющимся краем с выделенным венчиком (рис. 42, 7). Еще от одного экземпляра сохранился лишь фрагмент венчика втулки (рис. 42, 3). Красноглиняные трубки украшены различного рода

¹⁷ О «Kutahya Ware» см. [48, р. 169-171; 52, р. 266-267]. Выразительная коллекция фаянсовых чашек из этого центра, как с монохромной кобальтовой, так и с более известной по публикациям полихромной росписью XVIII в., содержится в Азовском краеведческом музее [53, с. 476-481].

¹⁸ В этой связи следует обратить внимание на предварительное сообщение И.В. Волкова о комплексе из Азова с датой около середины XVII в., откуда происходят чашки типа «Kutahya Ware», в том числе и с монохромной синей росписью [54, с. 64-68, рис. 1, 1,2,4].

штампованным орнаментом. В историографии справедливо отмечается важная роль этой группы археологических находок при датировке культурных горизонтов XVII-XVIII вв., однако, знакомство с опубликованными материалами показывает наличие у исследователей лишь самых общих представлений об их хронологическом членении, что отражает, безусловно, стадию накопления и введения в научный оборот музейных коллекций и археологических комплексов, где они представлены¹⁹. Известно, во-первых, что курительные трубки, первоначально из белой (бело-серой) глины, появились в Западной Европе и Османской империи вместе с привычкой курения табака в самом начале XVII в., но их находки в археологических комплексах ранее конца этого столетия до сих пор крайне редки. Во-вторых, общепризнано, что в конце XVII – начале XVIII вв. белоглиняные изделия сменяются красноглиняными [52, р. 391; 55, с. 226-230; 56, р. 3-4]. Таким образом, белоглиняная курительная трубка из нашего слоя может быть датирована концом XVII в., остальные – более поздним временем. Основания для сужения их хронологии, на сегодняшний день, к сожалению, отсутствуют.

Из металлических изделий, которые могут быть с уверенностью отнесены ко времени функционирования застройки турецкого периода, отметим сферические свинцовые пули с остатками литника (рис. 43, 10-12), железные ядро-картечь и черешковые наконечники стрел с ромбовидной в сечении головкой (рис. 43, 1-7,9), стальную складную бритву (рис. 43, 14), а также бронзовую каплевидную подвеску с прорезным фигурным орнаментом (рис. 43, 13). Из других находок выделим целые железные портняжные ножницы (рис. 43, 8).

К числу нумизматических находок, отражающих время формирования 2-го культурного горизонта, принадлежат монеты Крымского ханства, выпущенные в правление Мухаммеда Гирея II (1577-1584), Джанибека Гирея (1610-1623) и Мехмеда IV (1654-1666), а также Османской империи – XVII в. (без точной атрибуции имени султана) и Ахмеда III (1703-1730), чеканенная в 1710 г. (см. Приложение № 1, №№ 48, 49, 54-57). С учетом широких датировок бытования большинства описанных выше керамических и металлических находок именно нумизматический материал вместе с курительными глиняными трубками помогает определить время функционирования I горизонта застройки в пределах второй половины / конца XVI – начала XVIII вв.

Перейдем к описанию материалов трех закрытых, в археологическом смысле, комплексов данного строительного яруса.

1. Хозяйственная яма № 16. Заполнение. Комплекс образовался в результате двухэтапной засыпи ямы, которую вначале заполнили серым

¹⁹ Последний самый общий обзор истории изучения курительных глиняных трубок и основной литературы по этому вопросу см. в недавней статье И.В. Волкова [55, с. 229-230].

рыхлым грунтом, затем окончательно снивелировали слоем золы и пепла мощностью до 0,5 м (рис. 32). Однако анализ полученного при его выборке вещественного материала показывает отсутствие каких-либо принципиальных различий между комплексами находок из грунтовой засыпи и зольника, что позволяет рассматривать заполнение ямы как археологический комплекс, сформировавшийся в относительно узкий промежуток времени. Состоит в основном из обломков керамики (всего 381 фрагмент), из которых около 70% относятся к периодам раннего средневековья и княжества Феодоро («примесь снизу») или остались из-за своей фрагментарности неопределенными. Остальные керамические находки (117 фрагментов) носят датирующий характер и распределяются на следующие группы изделий:

НАИМЕНОВАНИЕ	Всего фр-в	%
1. Черепица типа «татарка»	30	26
2. «Урны с горизонтальными ручками» (рис. 48, 10)	3	менее 1
3. Кувшины с росписью линиями ангоба (рис. 48, 3, 4, 6, 7, 13)	18	16
4. Бытовая неглазурованная керамика (кувшины, горшки, туваки, миски) (рис. 48, 2, 5, 8, 9, 11, 12)	43	37
5. Глазурованная керамика (кувшины, миски, тарелки) («Monochrome Glazed Wares») (рис. 48, 14-21)	23	20

«Урны с горизонтальными ручками» имеют плотный черепок темно-коричневого цвета, с включениями известняка, шамота и песка. Вся бытовая неглазурованная и глазурованная керамика сформована из практически идентичного теста, приобретшего после обжига красный или коричневый цвет. Поливные сосуды покрыты монохромной зеленой, различных оттенков, глазурью с не растворившимися частицами марганца. Как правило, она не орнаментирована. Лишь горловая часть отдельных кувшинов (рис. 48, 16) имеет слабо выраженное рифление, на двух сосудах открытого типа декор представлен в виде пояса насечек (рис. 48, 15, 21).

По своей структуре комплекс датирующих керамических находок мало чем отличается от полученного при раскопках 2-го слоя. Судя по найденной при выборке нижней части заполнения ямы № 16 монеты Девлет Гирея I (1550-1577), он содержит вещественный материал, хронологические рамки которого в целом укладываются в пределы второй половины / конца XVI – начала XVIII вв. Время же образования комплекса, единовременной нивелировочной засыпи определяется стратиграфическими наблюдениями (яма № 16 – один из наиболее поздних объектов верхнего горизонта застройки)

и присутствием среди находок из «золяника» фрагмента втулки белоглиняной курительной трубки с округлым валиком и выделенным венчиком (рис. 49, 1), известным в археологических комплексах Причерноморья конца XVII в. Таким образом, дата комплекса – конец XVII в. или рубеж XVII-XVIII вв. Из других индивидуальных находок отметим фрагмент верхней части мусульманского известнякового надгробия с рельефной резьбой (рис. 49, 2).

2. «Слой функционирования» здания № 3²⁰. Данный комплекс находок был получен как при выборке 2-го слоя внутри постройки, так и при зачистке поверхности ее земляного «пола» и «пода» тандырной печи (рис. 18). Состоит в основном из обломков керамики (всего 1795 фрагментов), из которых подавляющее большинство, более 90%, классифицируется как «примесь снизу» (преобладает черепица XIV-XV вв.) или остались неопределенными. Обилие «переотложенного» материала не должно удивлять, так как значительная часть той же черепицы была использована при обкладке «пода» и бортов тандыра. Все это позволяет рассматривать хронологически более поздние находки (127 фрагментов) как закрытый археологический комплекс времени функционирования здания № 3. Датированный керамический материал распределяется на следующие группы изделий:

НАИМЕНОВАНИЕ	Всего фр-в	%
1. Черепица типа «татарка»	47	37
2. Бытовая неглазурованная керамика (кувшины, горшки, миски)	63	49
3. Глазурованная керамика (кувшины, миски, тарелки («Monochrome Glazed Wares»))	15	12
4. Сосуды из фаянса (чашки типа «Kutahya Ware» с синей росписью)	2	менее 2

Как видно из таблицы, около половины керамического комплекса составляют фрагменты гончарной неглазурованной керамики. Так как она мало известна за пределами Мангупа, приведем краткое описание форм и структуры черепка изделий. К таре относятся обломки коричневоглиняных сосудов из плотного теста с включениями шамота, известняка, дресвы и песка – с широкой плоской ручкой и туловом, украшенным наклепным ва-

²⁰ В полевой документации материалы комплекса составляют совокупность находок из двух контекстов – «2-го слоя между кладками №№ 7 и 8» и «Здания № 3. 2-го слоя» (2002 г.).

ликом с пальцевыми вдавлениями (рис. 46,8,10), и донной части с горизонтальным прилепом ручки, покрытой плотным белым ангобом (рис. 46, 11). В эту же группу керамики, очевидно, входят фрагменты кувшинов с высоким цилиндрическим горлом с S-видным венчиком и плоской ручкой, покрытые темным ангобом. Сформованы из кирпично-красного плотного теста с примесью известняка и шамота (рис. 46, 1,3,9). Кухонная коричневоглиняная посуда, изготовленная из плотного теста с примесью известняка, карасана и песка, представлена кувшинами – целым двуручным, декорированным в верхней части корпуса чередующимися рядами наколов и гребенки, и с росписью линиями светлого ангоба (рис. 45), а также фрагментами горшков с отогнутыми утолщенными венчиками, к одному из которых крепилась ручка, овальная в сечении (рис. 46,2,5-7). К столовой неглазурованной керамике, коричневоглиняной из плотного теста с включениями известняка и карасана относим обломки ручки кувшина (?) и край миски, украшенный снаружи слабо видимой росписью линиями светлого ангоба (рис. 46,4,12). Глазурованную посуду из комплекса характеризуют фрагменты коричневоглиняных кувшинов, мисок и тарелок, покрытых монохромной зеленой глазурью с нерастворившимися частицами марганца (группа «Monochrome Glazed Wares»), XVII-XVIII вв. (рис. 47,1,2,4) и фаянсовой чашки с подглазурной кобальтовой росписью типа «Kutahya Ware» конца XVII – XVIII вв. (рис. 47,3).

Среди индивидуальных находок из комплекса большая часть предметов может быть в равной степени датирована как турецким, так и более ранним временем. К таковым относятся фрагменты красноглиняных крышки и пряслиц (рис. 47,5-7), железных ключа, крепежного стержня с кольцом, скобы и пряжки (рис. 47,12-15), медной подвески (рис. 47,9) и костяной накладки с циркульным орнаментом (рис. 47,10). Браслеты из синего пастового стекла и железные листовидные черешковые наконечники стрел (рис. 47,11,16) обычны для культурных горизонтов XIV-XV вв. Мангупского городища [9, с. 389, 391]. Наиболее поздней датированной находкой конца XVII – начала XVIII вв. в комплексе является фрагмент коричневоглиняной курительной трубки, завершающейся втулкой с округлым валиком и выделенным венчиком (рис. 47,8).

Датировка комплекса, в пределах конца XVII или рубежа XVII-XVIII вв., опирается на хронологию фаянсовой чашки и курительной трубки.

3. Материал из кладки № 36. Комплекс получен при разборке стены-крепиды в западной части раскопа (рис. 18). Таким образом, он отражает время ее строительства. Представлен немногочисленными фрагментами керамики (всего 107 фрагментов), из которых около 20% носят датирующий характер. Последние распределяются на две группы изделий:

НАИМЕНОВАНИЕ	Всего фр-в	%
1. Бытовая неглазурованная керамика (кувшины и горшки)	13	59
2. Глазурованная керамика (миски и тарелки) («Monochrome Glazed Wares»)	9	41

Преобладает коричневоглиняная бытовая керамика из плотного теста с примесью известняка и шамота, покрытая ангобом в тон черепку или без него. Выделим из немногочисленных профильных частей фрагмент вертикального венчика от горшка, непосредственно к которому крепилась ручка овальная в сечении, украшенная росписью линиями светлого ангоба в виде ромбической сетки (рис. 50,2). Немного уступает группа поливной красноглиняной керамики, сформованной из близкого по структуре теста и покрытая монохромной глазурью темно-зеленого (рис. 50,3) или темно-коричневого цветов (рис. 50,4). Из металлических изделий в комплексе отметим обломок бронзовой ромбовидной подвески с многогранной поверхностью (рис. 50,1).

Хронология данного комплекса из-за широких временных рамок бытования представленной датирующей керамики (XVII-XVIII вв.) определяется, главным образом, стратиграфическими наблюдениями. Основанием для сооружения кладки № 36 послужила поверхность 2-го слоя. К тому же контур стены был уже виден после снятия дернового слоя в данной части раскопа. Это позволяет отнести комплекс к числу наиболее поздних объектов на площади участка исследований и датировать его концом XVII – началом XVIII вв.

Хронология I горизонта застройки. Общие хронологические рамки данного горизонта застройки укладываются в пределах второй половины / конца XVI – начала XVIII вв. При этом особых сомнений не вызывает верхняя граница его функционирования. Во-первых, все закрытые комплексы, образовавшиеся при строительстве, использовании и «гибели» лучше всего сохранившихся жилых и хозяйственных объектов этого периода (здания № 3, кладки № 36, хозяйственной ямы № 16), датируются концом XVII – началом XVIII вв. Во-вторых, в ходе раскопок из них или из 2-го слоя происходит ряд вещественных находок (фаянсовая посуда группы «Кютахья»; курительные трубки, особенно белоглиняные), не позволяющих значительно удлинить эту хронологию. В-третьих, при зачистке каменного завала к западу от здания № 4, игравшей роль своеобразной отмостки времени функционирования постройки, была обнаружена монета султана Ахмеда III (1703-1730), выпущенная в 1710 г., наиболее поздняя датированная находка, связанная с этим ярусом застройки.

Значительные трудности вызывает вопрос начальной даты функциониро-

вания I горизонта. Незначительность материалов турецкого времени во 2-м слое и в закрытых археологических комплексах, очевидно, должна свидетельствовать о слабой интенсивности жизни или вообще заброшенности данного участка городища вплоть до конца XVII – начала XVIII вв. В какой-то степени на это указывают стратиграфические наблюдения – наносной характер 2-го слоя, где отсутствуют следы разрушений, использование его поверхности как основания для сооружения ряда открытых кладок и ям. Отметим еще один момент. Среди находок практически нет признанных хроноиндикаторов для памятников XVI в. – раннеосманской глазурованной полихромной керамики с орнаментом в технике «сграффито», фаянсовой посуды производства г. Изник. Трудно также по-иному объяснить малочисленность нумизматической коллекции Крымского ханства на площади раскопа, особенно в сравнении с ситуацией на других объектах Мангупского городища, к примеру, Цитадели²¹. Таким образом, активизация строительной деятельности на этом участке начинается после прекращения функционирования церкви св. Константина и некрополя при ней.

С другой стороны, общеизвестна слабая изученность и опубликованность позднесредневековых памятников Причерноморского региона, широкая хронология всех важных для датировки групп археологического материала, что заставляет нас воздержаться от каких-либо категоричных заключений по этому вопросу. Таким образом, предлагаемая нами дата нижнего рубежа функционирования I горизонта застройки (вторая половина / конец XVI в.), основанная, главным образом, на наличии в культурном слое этого времени монет Девлет Гирея I (1550-1577) и Мухаммед Гирея II (1577-1584), носит предварительный характер. Она может быть скорректирована как в ходе публикации материалов турецкого периода в истории Мангупа из раскопок Цитадели и квартала в верховьях балки Табана-дере, так и в процессе продолжения археологических исследований в районе церкви св. Константина.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен А.Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // АДСВ. Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995. Вып. 27.
2. Герцен А.Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
3. Герцен А.Г. Хазары в Доросе-Мангупе // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т.1.
4. Герцен А.Г. У истоков иудейской общины Мангупа // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.

²¹ Среди нумизматических материалов, смытых или сброшенных с поверхности акрополя городища на юго-восточный склон мыса Тешкли-бурун, обнаружено 34 монеты Крымского ханства 90-х гг. XV-XVI вв. [9, с. 439-440]. На площади же раскопа вблизи церкви св. Константина, значительно превышающей участок стратиграфических исследований Цитадели 1998 и 2003 гг., монет XVI в. всего шесть.

5. Герцен А.Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.
6. Герцен А.Г., Науменко В.Е. К истории цитадели Мангупа (по материалам археологических исследований на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун) // АДСВ. Екатеринбург, 2006. Вып. 37.
7. Герцен А.Г., Манаев А.Ю. Демир-Капу (укрепление А.ХІХ) в системе оборонительных сооружений Мангупа // МАИЭТ. 2005. Вып. ХІ.
8. Герцен А.Г., Карлов С.В. Дозорный и культовый комплекс под оконечностью мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // Готы и Рим. Киев, 2006.
9. Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. ХІІ.
10. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 г. М., 1999.
11. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Черныш С.А. Археологические исследования на Мангупском плато // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. Симферополь, 1994.
12. Герцен А.Г., Науменко В.Е., Черныш С.А., Чихрадзе Д.Э., Негуляев Е.А., Карлов С.В. Археологические исследования Мангупа // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997.
13. Герцен А.Г. Описание Мангупа – Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. 2003. Вып. Х.
14. Герцен А.Г. «Пещерные города» Крыма: путеводитель. Симферополь, 2004.
15. Мартин Броневский. Описание Крыма // ЗООИД. 1867. Т. 6.
16. Мартин Броневский. Описание Крыма (подготовка републикации текста М.Мачинской и А.Г. Герцена; предисловие и комментарии А.Г. Герцена) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 10.
17. Лепер Р.Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913. Вып. 47.
18. Протокол заседания 12 октября 1912 г. // ИТУАК. 1913. № 49.
19. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.). Симферополь, 1999.
20. Герцен А.Г. Христианство в Крыму: время расцвета и испытаний (ХІІІ-ХVІ вв.) // Материалы международной конференции, посвященной 2000-летию Рождества Христова. Симферополь, 1997.
21. Герцен А.Г., Алексеенко Н.А. Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. 2002. Вып. 33.
22. Георгиева С. Керамиката от двореца на Царевец // Царевград Търнов. Дворецът на българските царе през Втората Българската държава. София, 1974. Т. 2.
23. Мыц В.Л. Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма ХІV-ХV вв. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья Х-ХVІІІ вв. Киев, 2005.
24. Якобсон А.Л. Дворец // МИА. 1953. № 34.
25. Даниленко В.Н., Романчук А.И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. Свердловск, 1969. Вып. 6.
26. Мыц В.Л. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма ХІV-ХV вв. // Византийская Таврика. Киев, 1991.
27. Мыц В.Л. Укрепления Таврики Х-ХV вв. Киев, 1991.
28. Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 году. Симферополь, 2003. Вып. ІІ.
29. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71.
30. Залеская В.Н. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье // Преслав. София, 1993. Сб. 4.
31. Герцен А.Г., Науменко В.Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья Х-ХVІІІ вв. Киев, 2005.

32. Фронджуло М.М. Раскопки в Судакe // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
33. Айбабина Е.А. Оборонительные сооружения Кафы // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988.
34. Джанов А.В. Гончарные печи XIV-XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1998.
35. Иванов А.В., Савеля О.Я., Филиппенко А.А. Комплекс поливной керамики средневекового Кадыкья // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1998.
36. Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 году. Симферополь, 2004. Вып. III.
37. Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 году. Симферополь, 2005. Вып. IV.
38. Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 году. Симферополь, 2006. Вып. V.
39. Тесленко И.Б. Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
40. Кирилко В.П. К вопросу об авторской идентификации некоторых средневековых керамических изделий // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
41. Романчук А.И., Перевозчиков В.И. Глазурованная керамика из Азова (херсоно-азакские параллели в орнаментике) // АДСВ. Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990. Вып. 25.
42. Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
43. Волков И.В. Керамика Азова XIV-XVIII вв. (классификация и датировка). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
44. Гусач И.Р. Спасательные археологические раскопки в г. Азове по ул. Суворова, 23 в 2002 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов, 2004. Вып. 19.
45. Волков И.В. Крепость Лютик – Сед-Ислам (предварительное сообщение и керамический комплекс) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
46. Финогенова С.И. Поливная керамика из раскопок Таманского городища // СА. 1987. № 2.
47. Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Киев, 2004.
48. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in Aegean. An introduction and Field Guide. Utrecht, 2005.
49. Armstrong P. Byzantine Thebes: Excavations on the Kadmeia, 1980 // BSA. 1993. Vol. 88.
50. Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito / Ed. D. Papanicola-Bakirtzi. Athens, 1999.
51. Armstrong P., Gunsenin N. Glazed Pottery Production at Ganos // Anatolica Antiqua. 1995. Vol. 3.
52. Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. Princeton, 1992.
53. Гусач И.Р. Турецкие полуфаянсы XVIII в. из Азова // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
54. Волков И.В. Закрытый комплекс турецкого времени (1641-?) из Азова // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X-XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1998.
55. Волков И.В. Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы // Материальная культура Востока. М., 1999.
56. Hayes J. W. Turkish Clay Pipes: A Provisional Typology // The Archeology of the Clay Tobacco Pipe. IV. Europe I. London, 1980.

Gertzen A. G., Ivanova O. S., Naumenko V. Ye., Smokotina A. B.

**Archaeological Research in the District of St. Constantine Church (Mangup): I
Horizon of Building (the 16th – 18th Centuries)**

Summary

The article opens a series of publications of the most important results of excavations in the district of St. Constantine Church in the central part of Mangup – the largest monument in the group of «cave towns» of the South-Western Crimea. It is here where the cultural stratifications and corresponding horizons of dwelling and household buildings reflecting all main stages of the history of Mangup settlement from the Early Byzantine period till Turkish times were investigated step by step on one excavation area. It makes this object one of the reference ones in studying the site.

The undertaken research enabled to obtain numerous and various material, abundance of closed, in archaeological aspect, complexes of finds (71). Taking into consideration a great amount of information, this work is limited by the general description of the monument, the history of its study, stratigraphic situation, and the analysis of remnants of I horizon (upper) of dwelling and household building up.

General chronological frames of this horizon of buildings are within the second half – the end of the 16th – the beginning of the 18th centuries, though closed archaeological complexes related to the best preserved on the excavation area building remnants are dated back to the end of the 17th – the beginning of the 18th centuries.

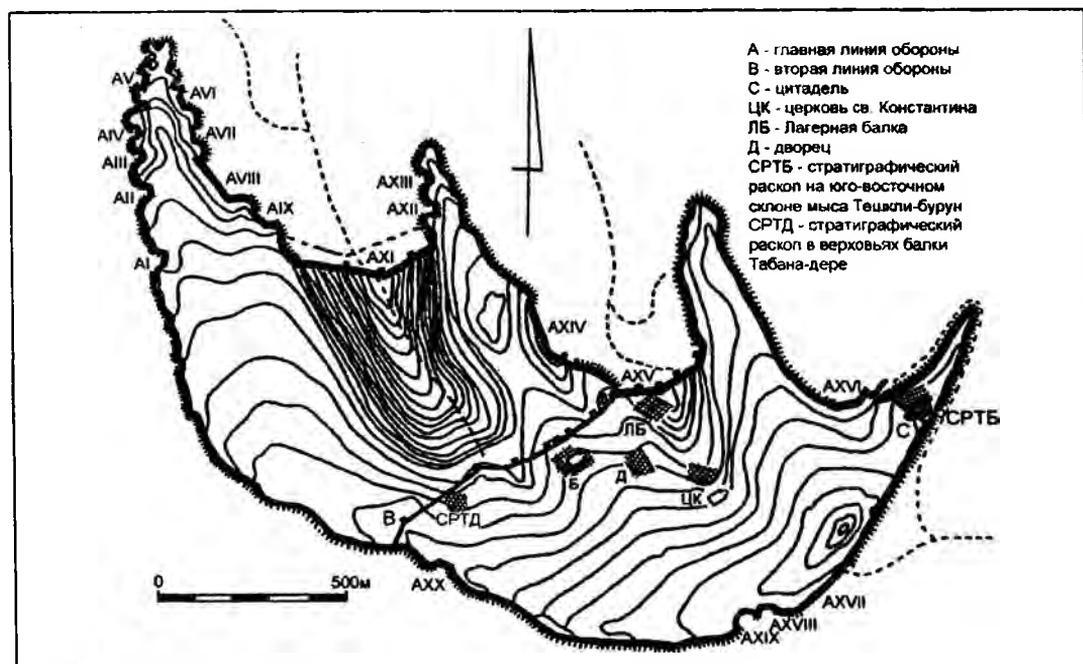

Рис. 1. План Мангупского городища с обозначением основных объектов исследований.

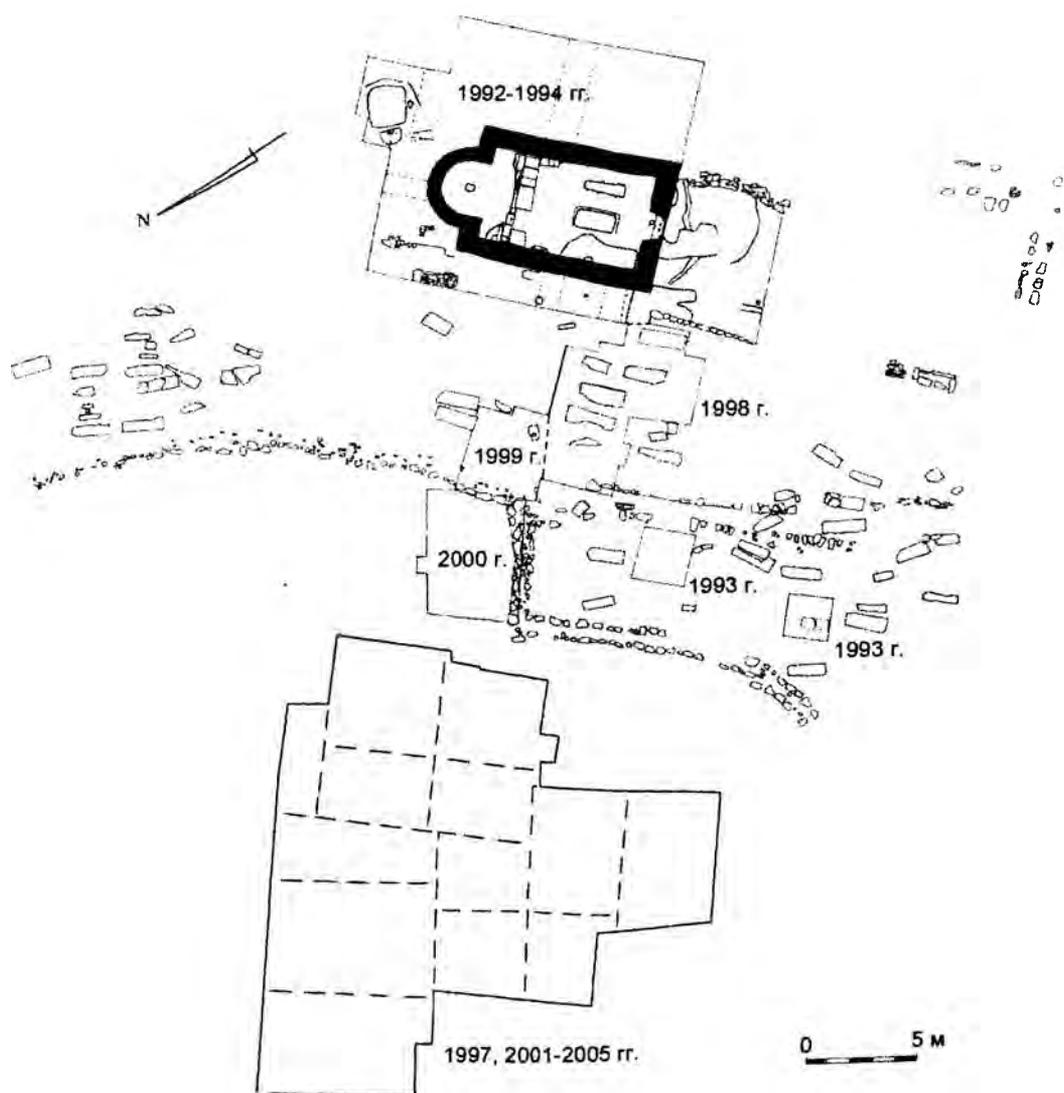

Рис. 2. Ситуационный план комплекса церкви св. Константина с указанием участков археологических исследований.

Рис. 3. Юго-восточная часть раскопа. Здание 1 в процессе исследования. Общий вид с юга.

Рис. 4. Центральная часть раскопа. Общий вид с севера.

Рис. 5. Северная часть раскопа. Здания 4 и 5. Общий вид с юга.

Рис. 6. Центральная часть раскопа по уровню материка. Общий вид с севера.

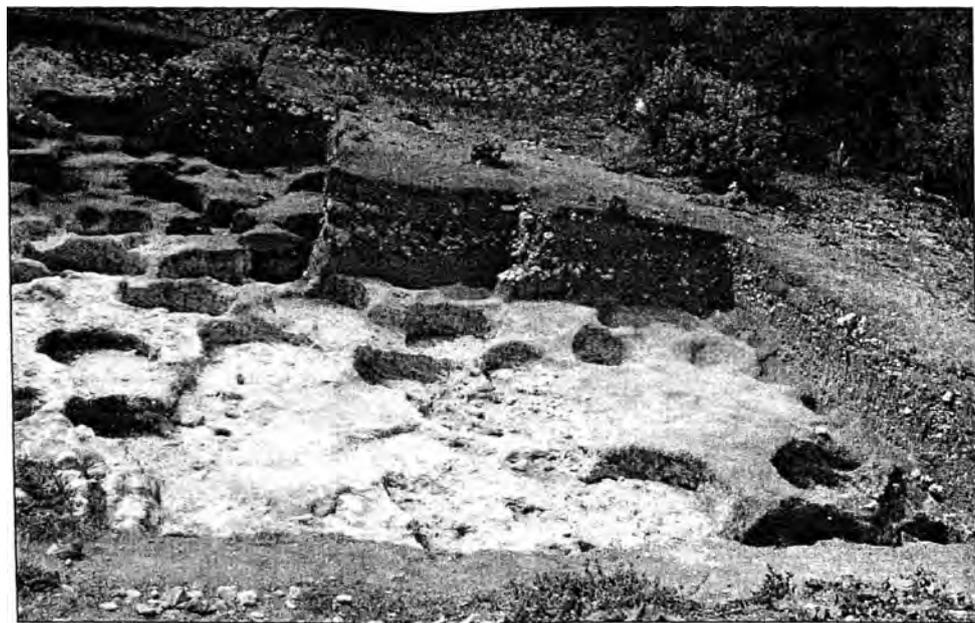

Рис. 7. Северная часть раскопа по уровню материка. Общий вид с востока.

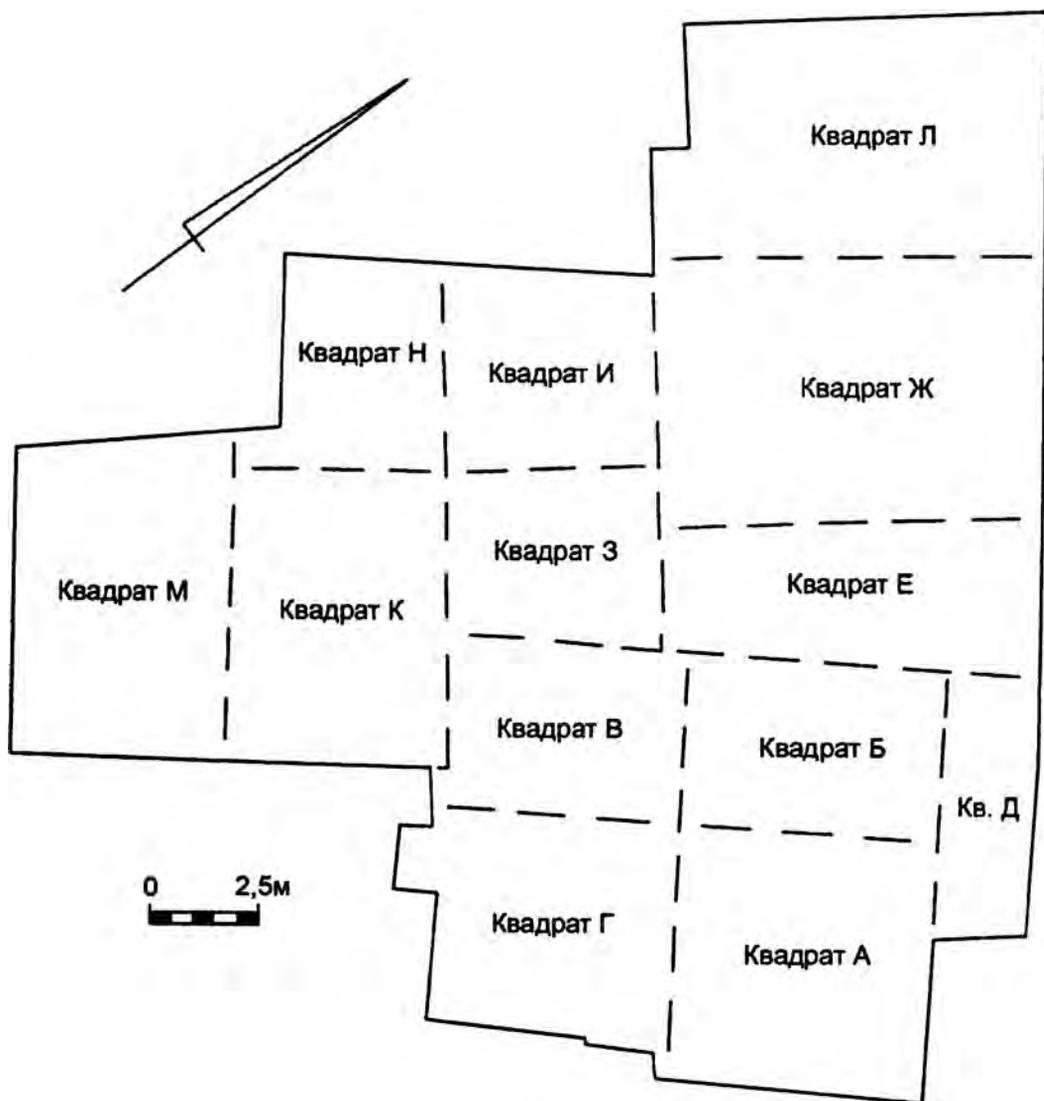

Рис. 8. Схема раскопа с обозначением квадратов.

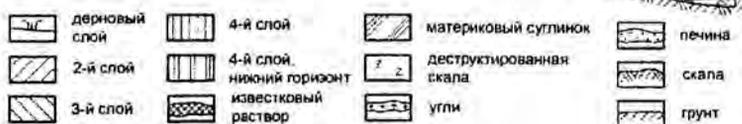
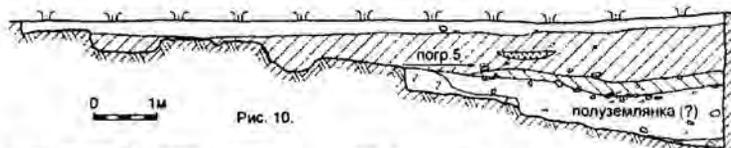
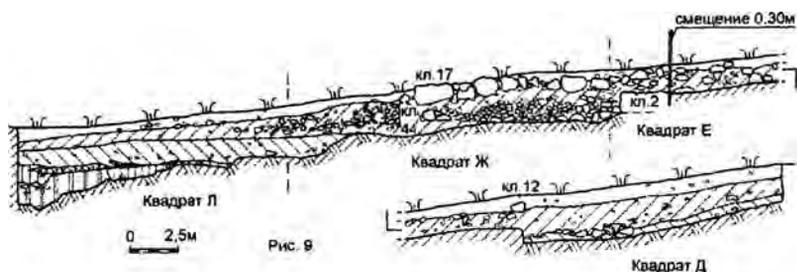

Рис. 9-10. Стратиграфия северо-восточного (квадраты Д, Е, Ж и Л) (9) и юго-восточного (квадраты А и Г) (10) бортов.

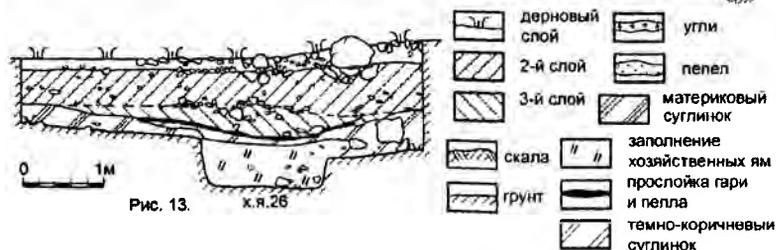
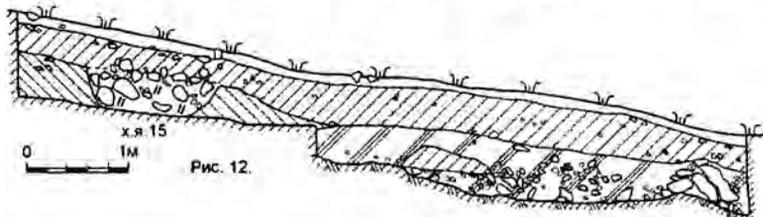
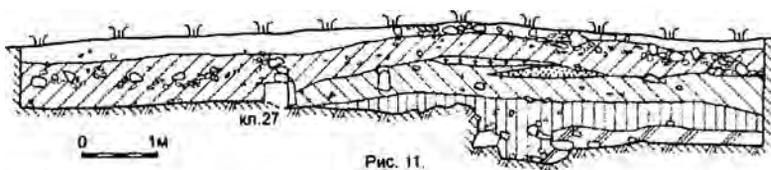

Рис. 11-13. Стратиграфия юго-восточного (квадраты К и М) (11), юго-западного (квадрат М) (12) и северо-западного (квадрат М) (13) бортов.

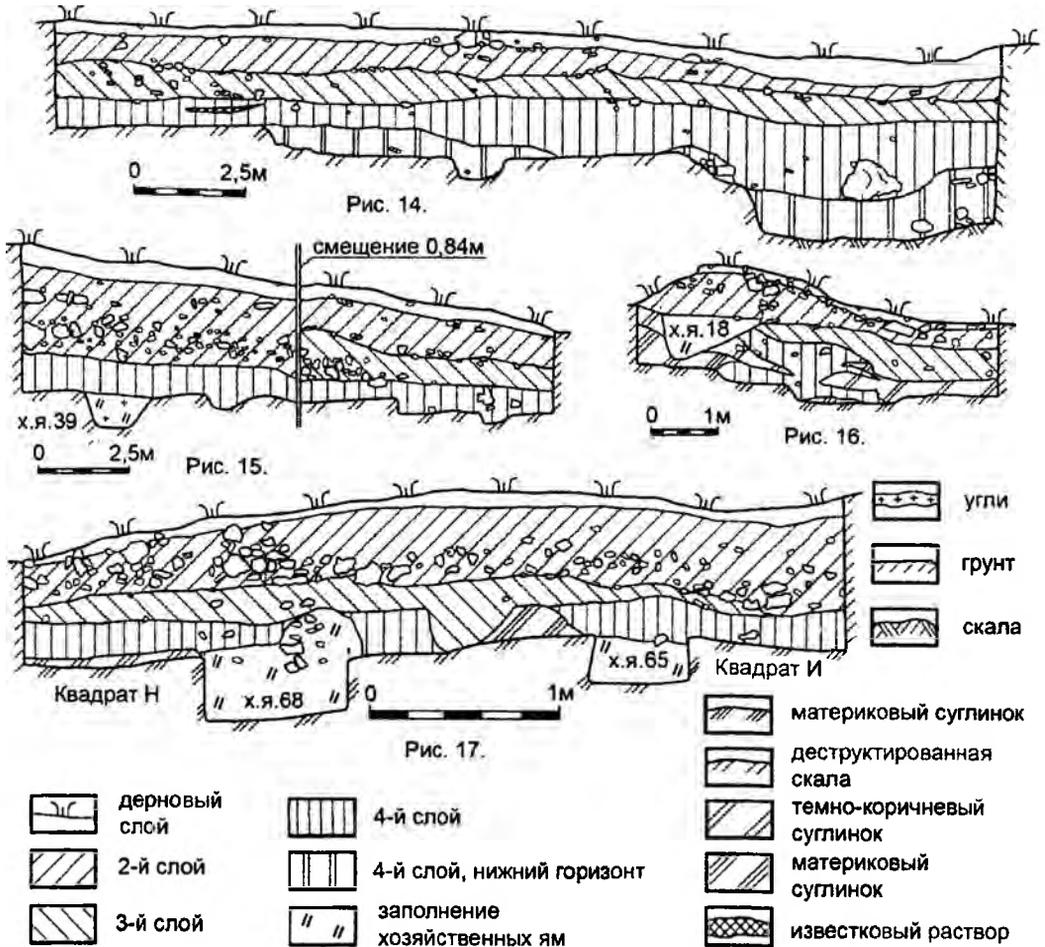

Рис. 14-17. Стратиграфия северо-западного (квадрат Л) (14), юго-западного (квадрат Л) (15), юго-западного (квадрат Н) (16) и северо-западного (квадраты И и Н) (17) бортов.

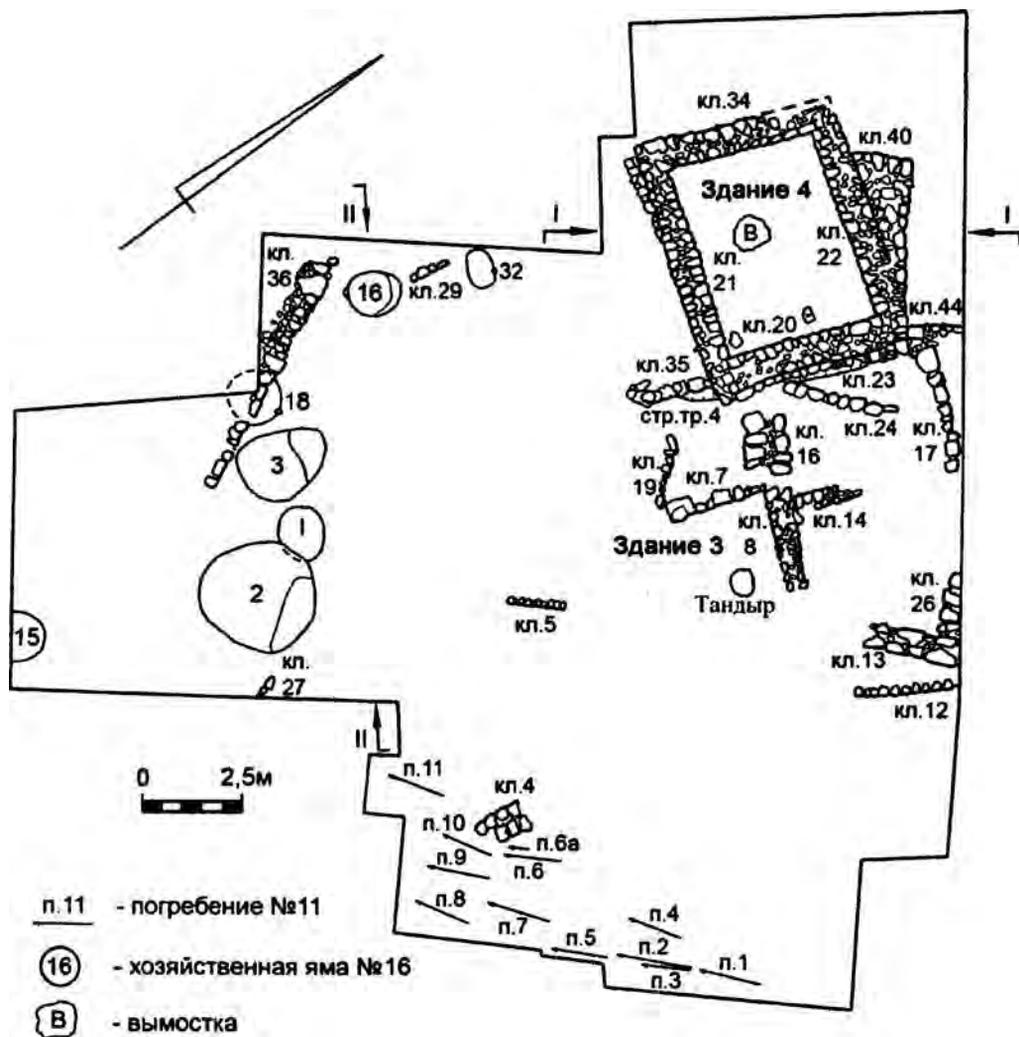

Рис. 18. Первый горизонт. Общий план строительных остатков.

Рис. 19. Здание 1. Помещение 1. Общий вид с востока.

Рис. 20. Здание 3 по уровню «пола». Общий вид с запада.

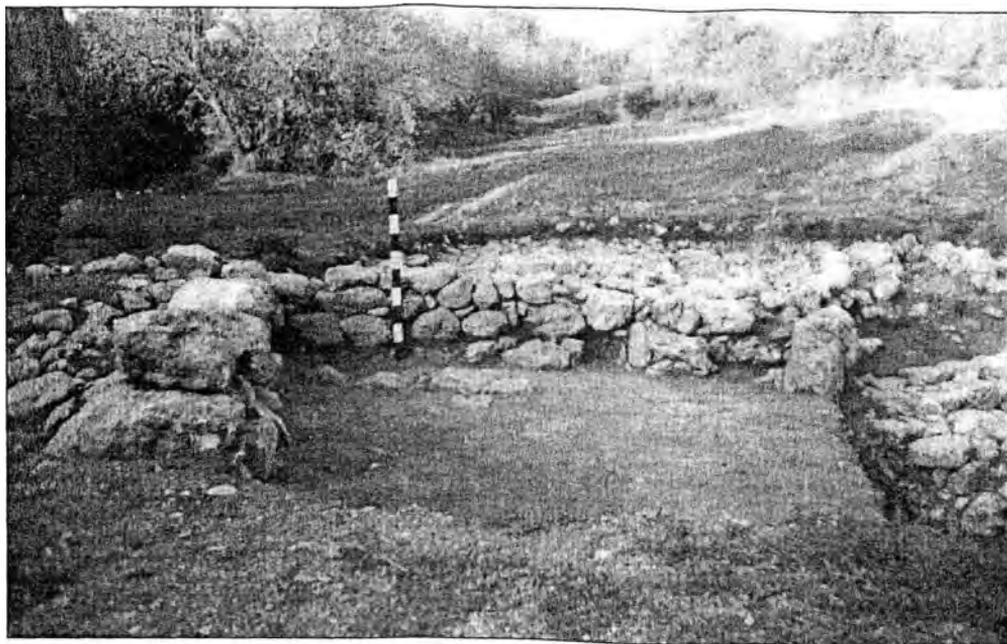

Рис. 21. Здание 3 по уровню «пола». Общий вид с юго-востока.

Рис. 22. Комплекс зданий 4 и 6. В центре – фрагмент плитовой вымостки с каменной субструкцией под нее.

Рис. 23. Здание 4. Фрагмент плитовой вымостки с каменной субструкцией под нее.

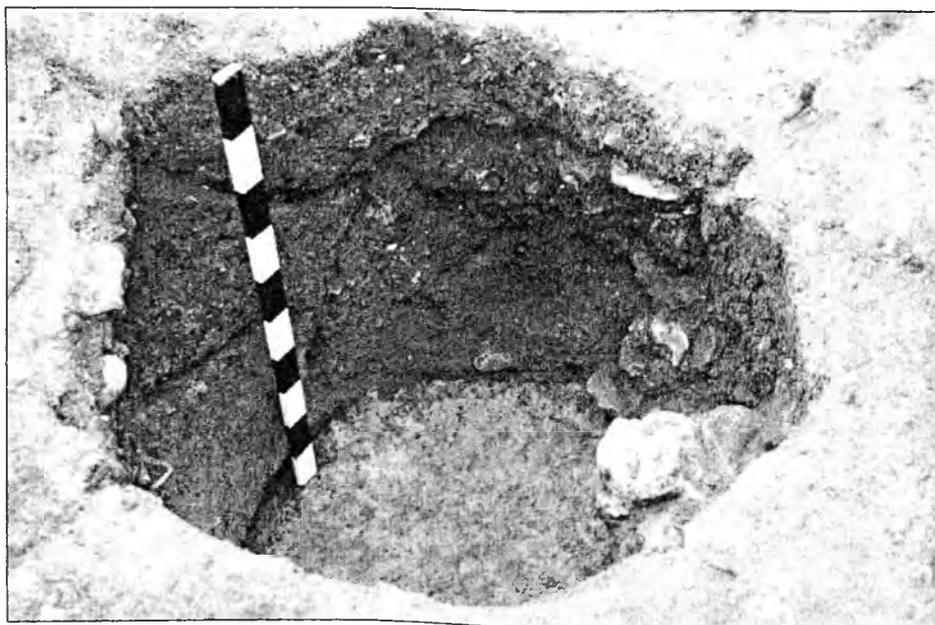

Рис. 24. Хозяйственная яма №16. Общий вид после выборки заполнения.

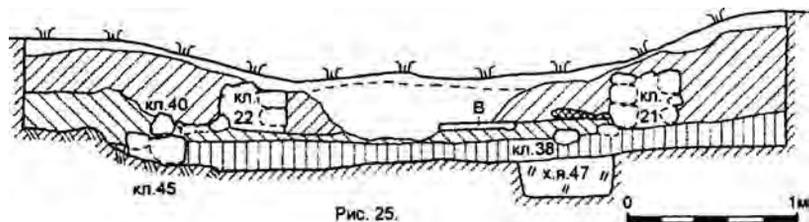

Рис. 25.

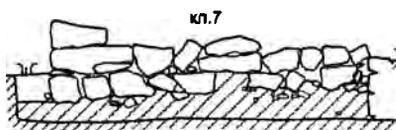

Рис. 26.

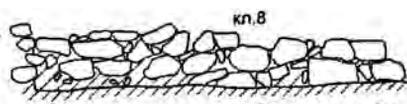

Рис. 27.

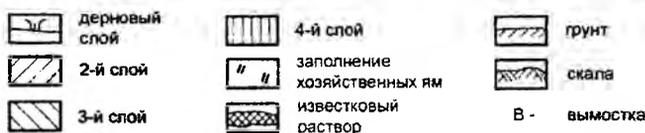

Рис. 25-27. Разрез I-I (25). Здание 3. Внутренняя фасировка северо-западной (26) и северо-восточной (27) стен.

Рис. 28.

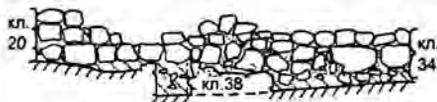

Рис. 29.

Рис. 30.

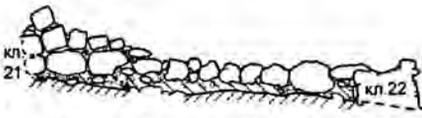

Рис. 31.

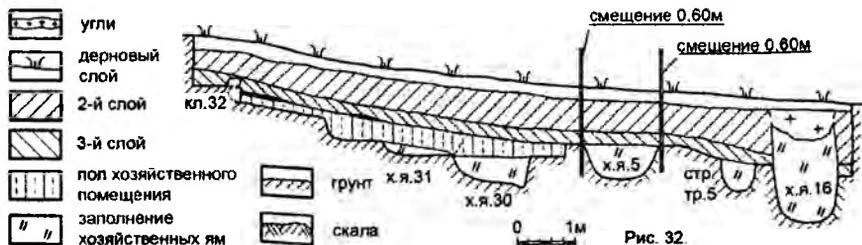

Рис. 32.

Рис. 28-32. Здание 4. Внутренняя фасировка юго-восточной (28), юго-западной (29), северо-восточной (30) и северо-западной (31) стен. Разрез II-II (квадраты К и Н) (32).

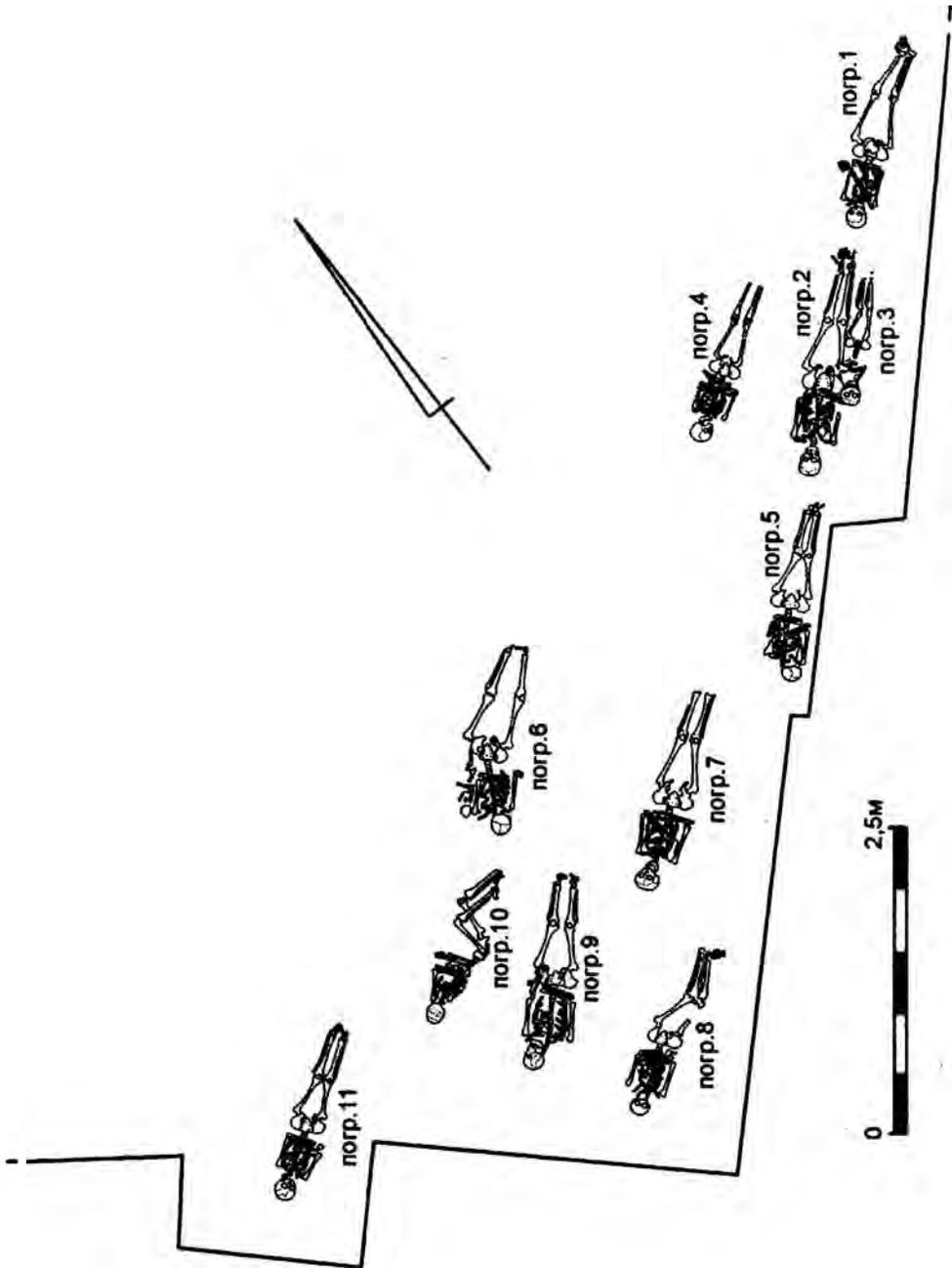

Рис. 33. План погребений первого горизонта.

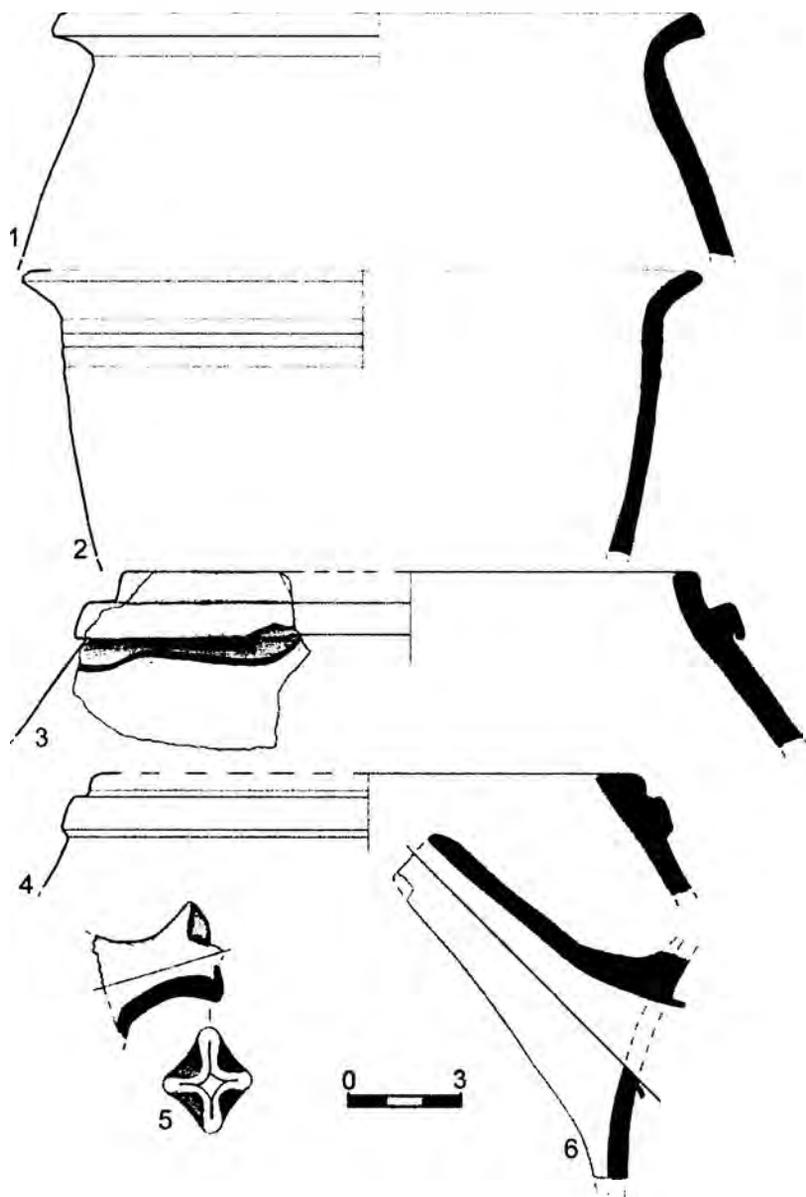

Рис. 34. Бытовая керамика из второго слоя.

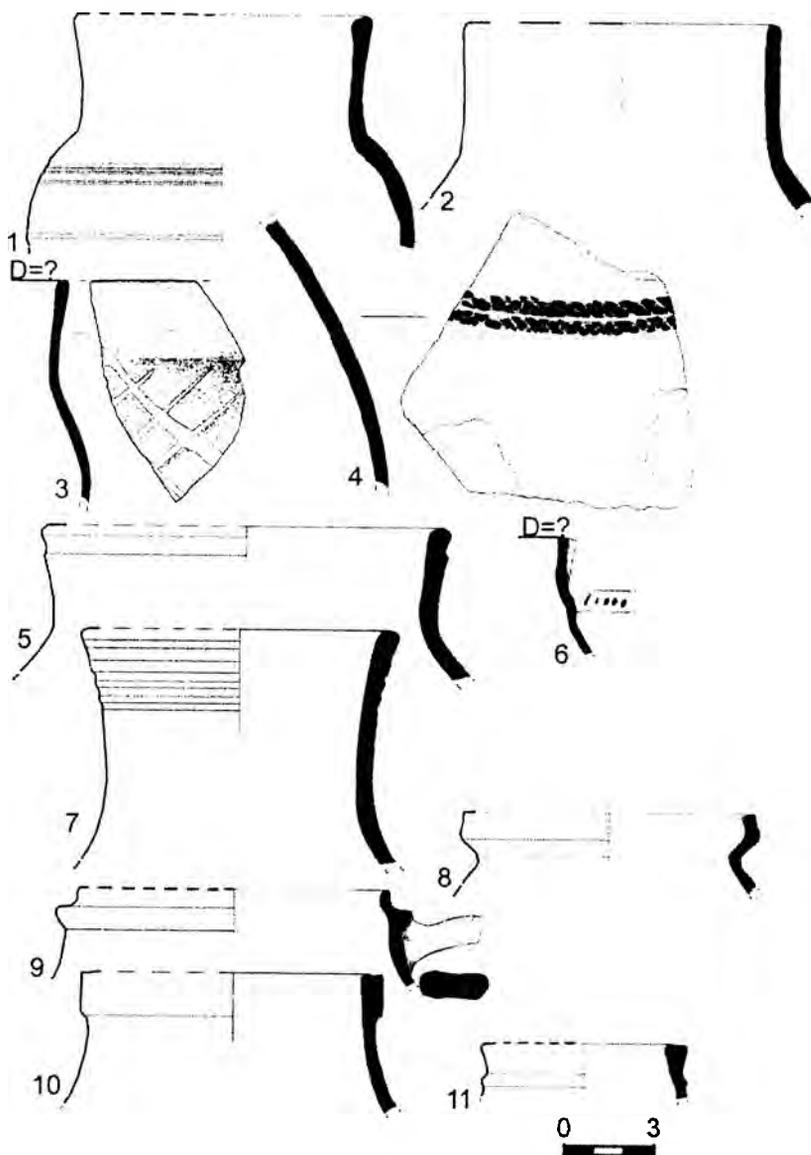

Рис. 35. Бытовая керамика из второго слоя.

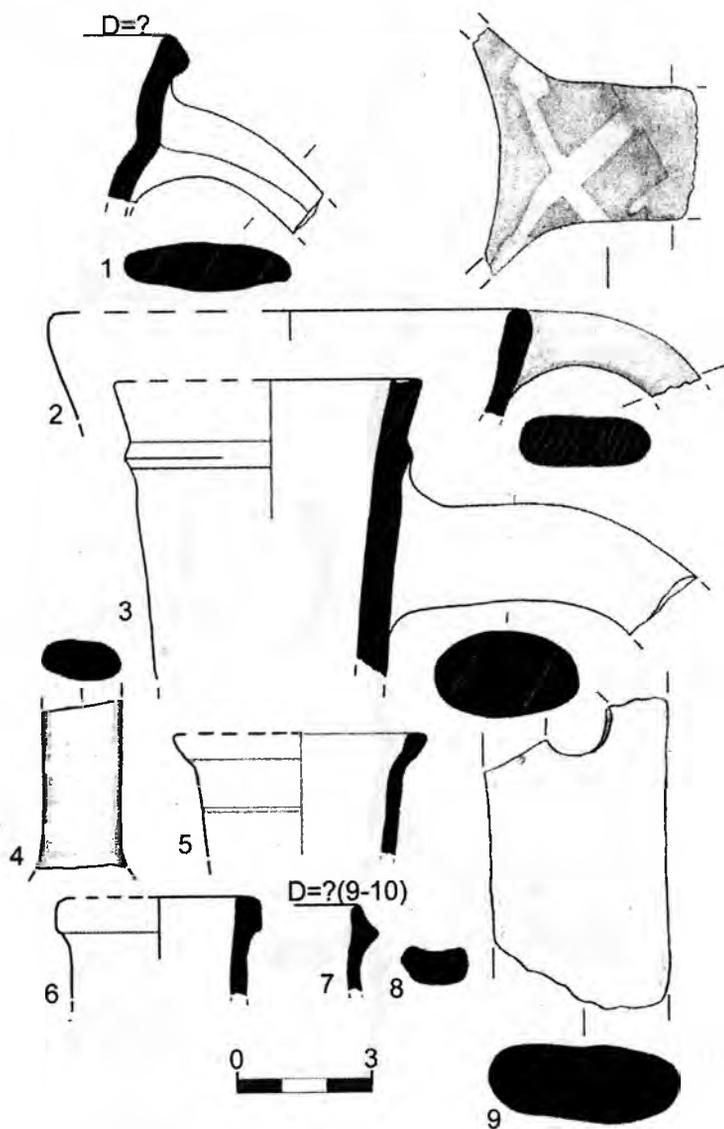

Рис. 36. Бытовая керамика из второго слоя.

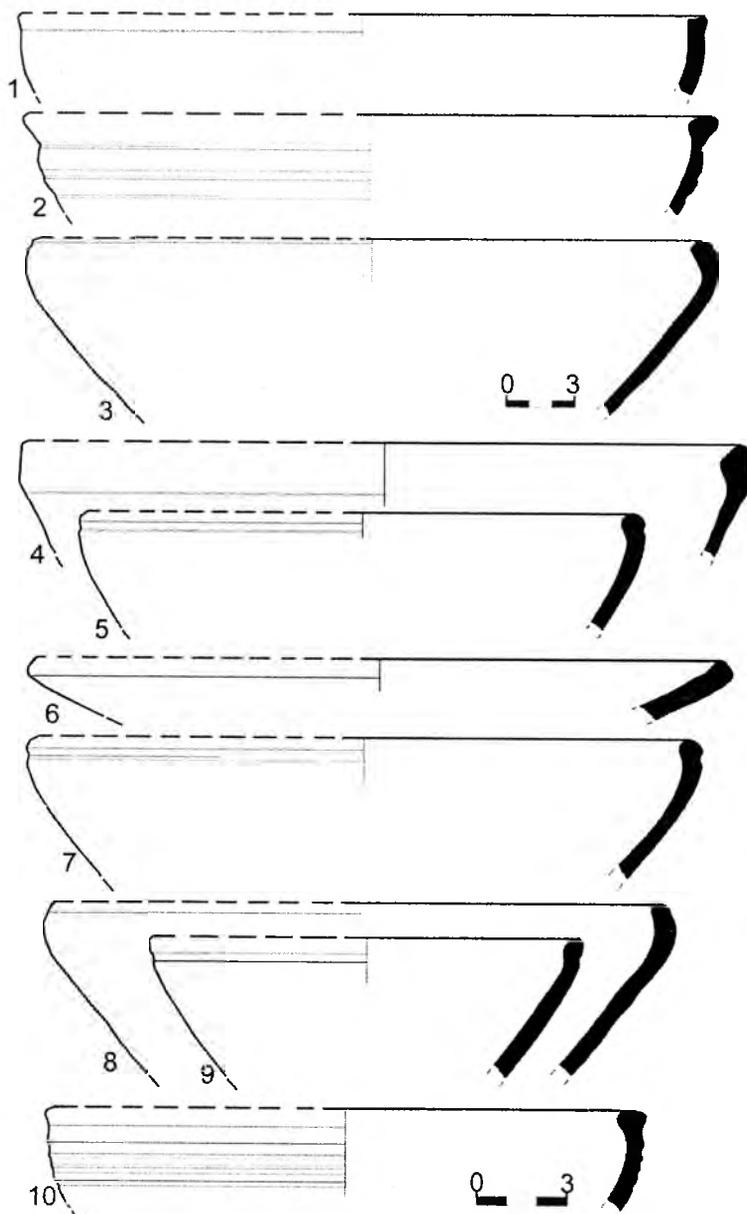

Рис. 37. Бытовая керамика из второго слоя.

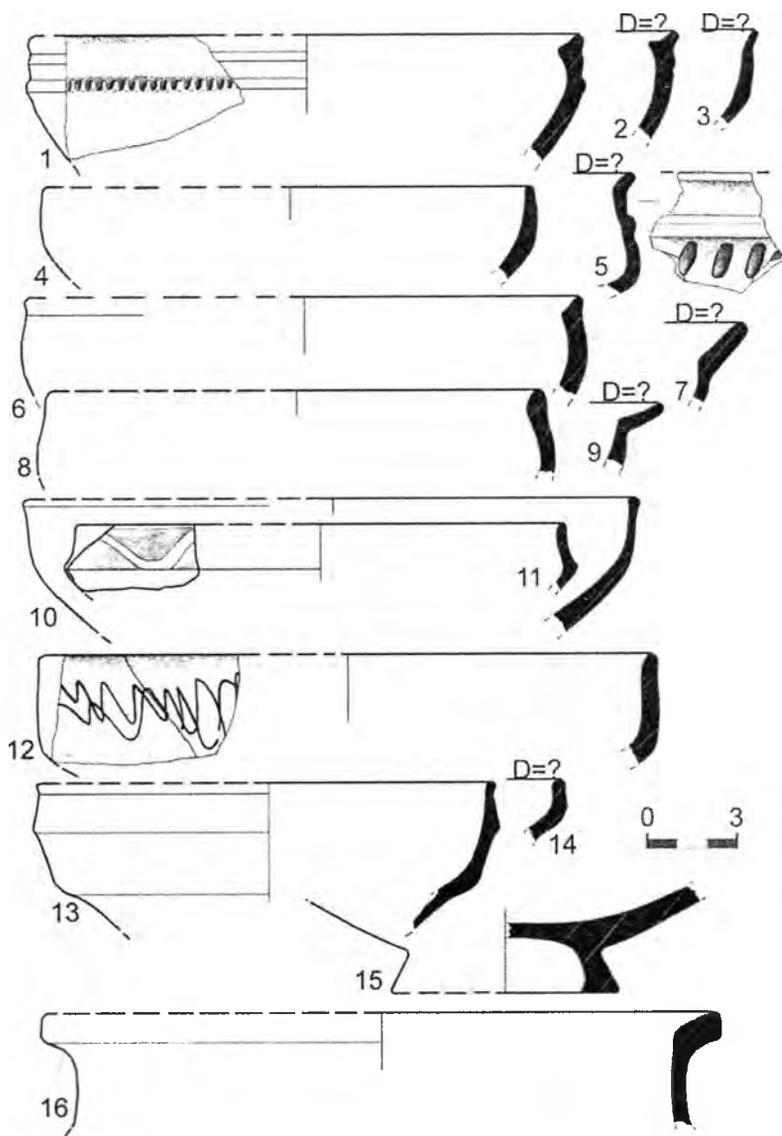

Рис. 38. Глазурованная керамика из второго слоя.

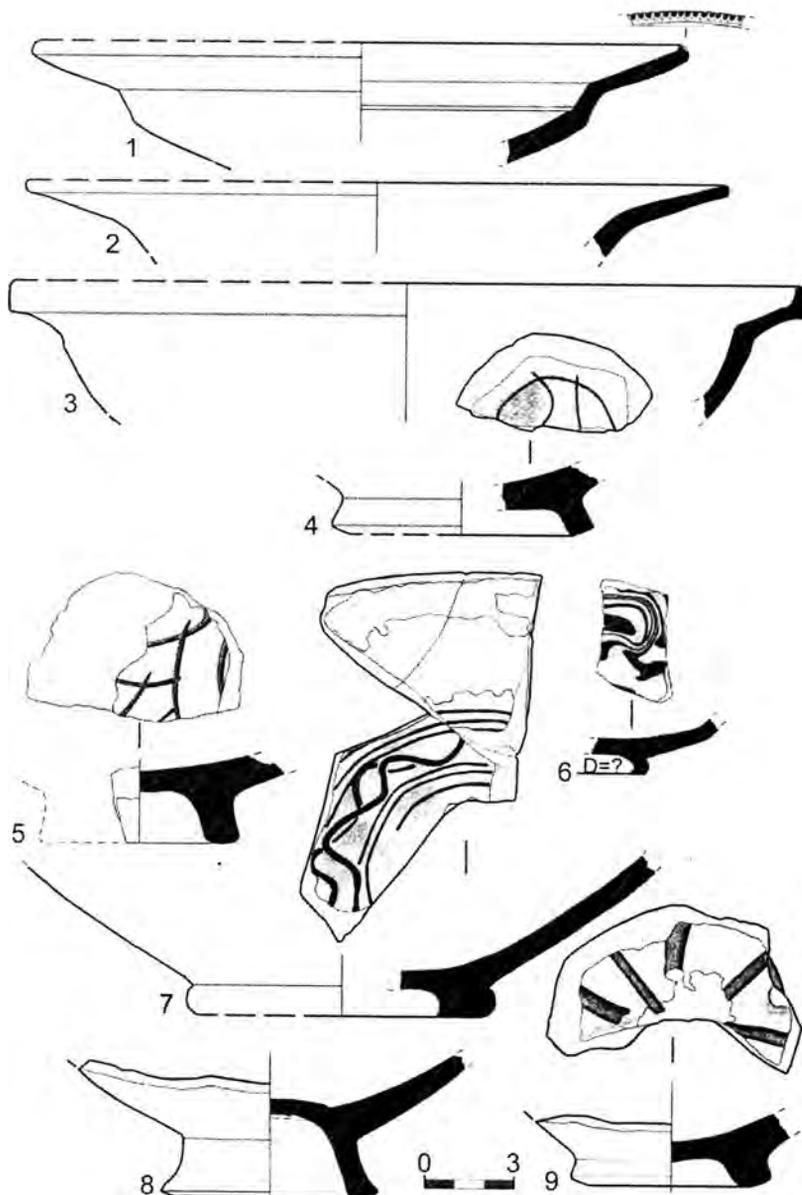

Рис. 39. Глазуванная керамика из второго слоя.

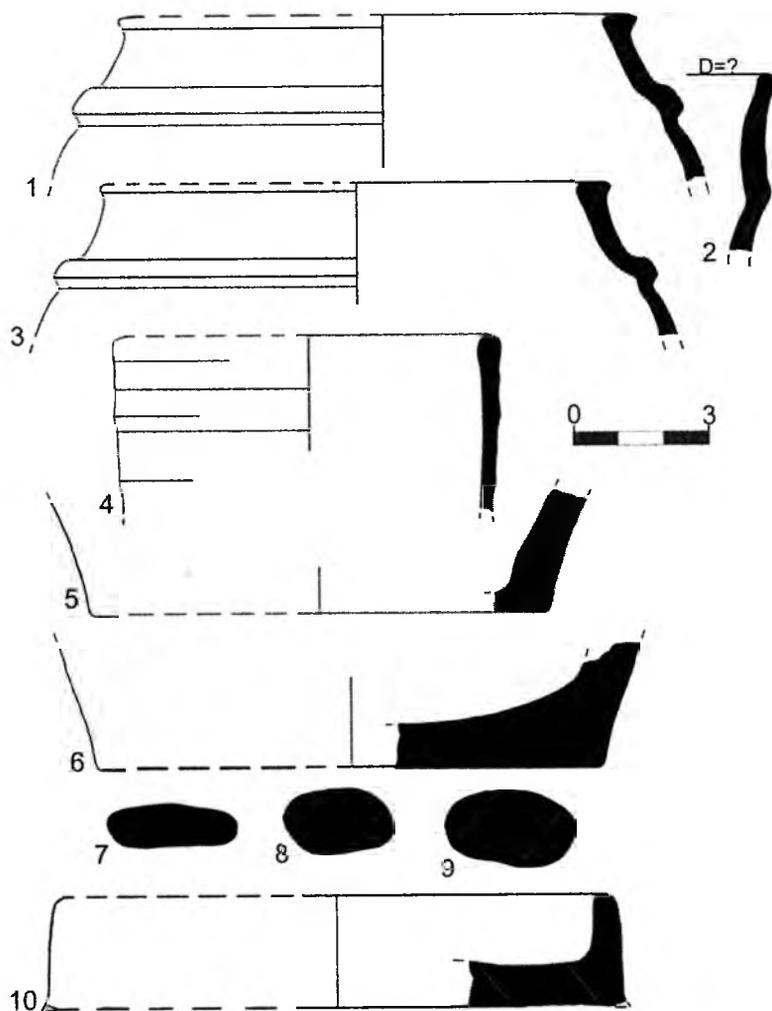

Рис. 40. Глазурованная керамика из второго слоя.

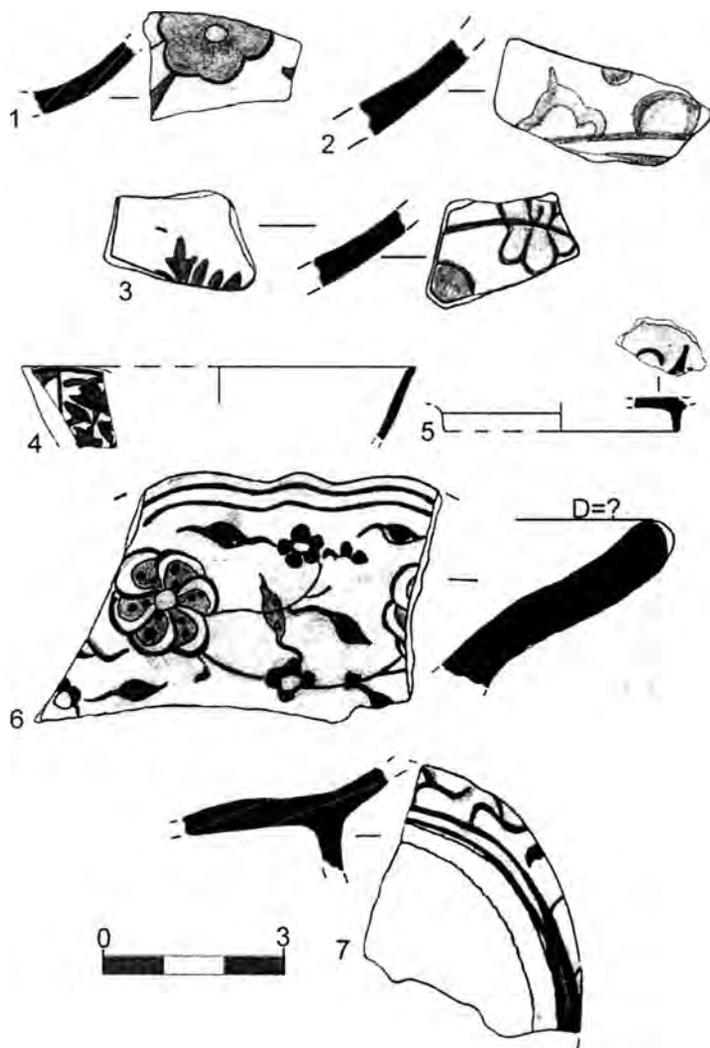

Рис. 41. Фаянсовые изделия из второго слоя.

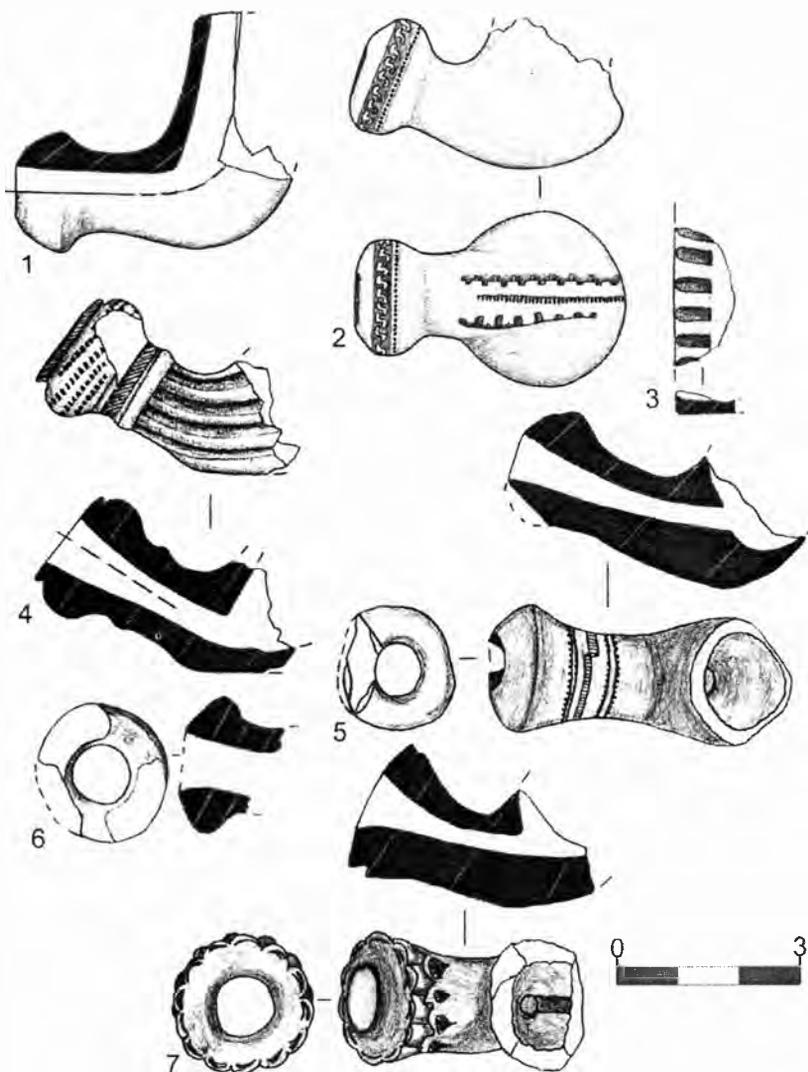

Рис. 42. Глиняные курительные трубки из второго слоя.

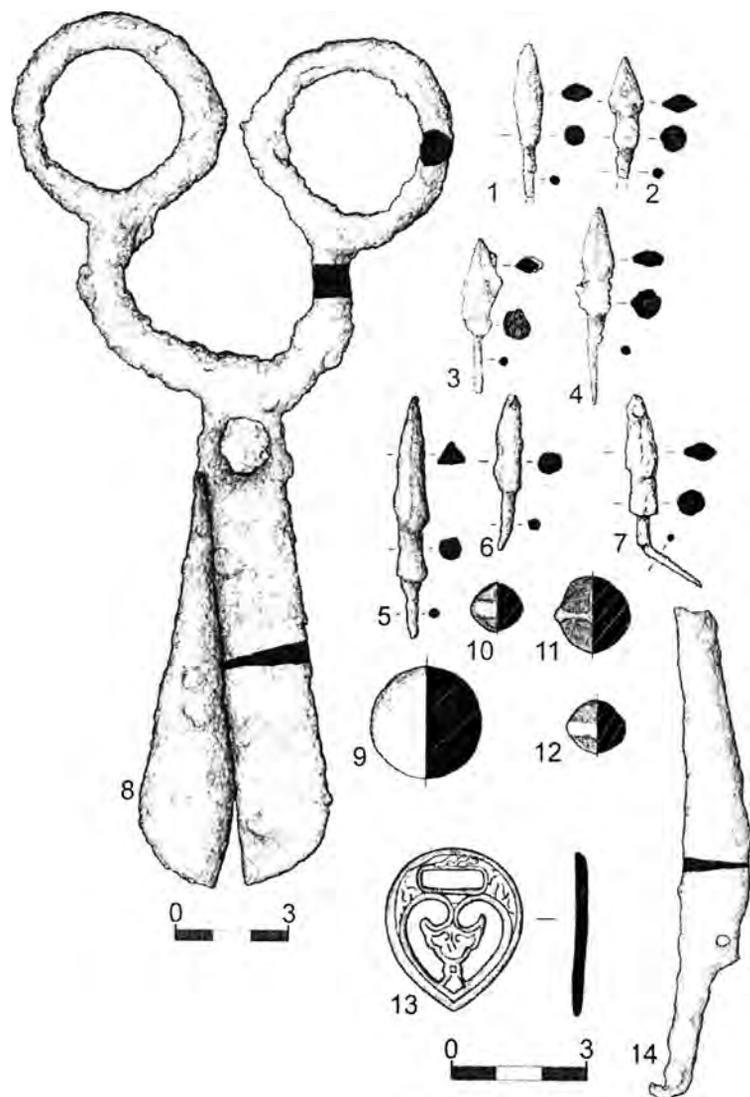

Рис. 43. Металлические изделия из второго слоя.

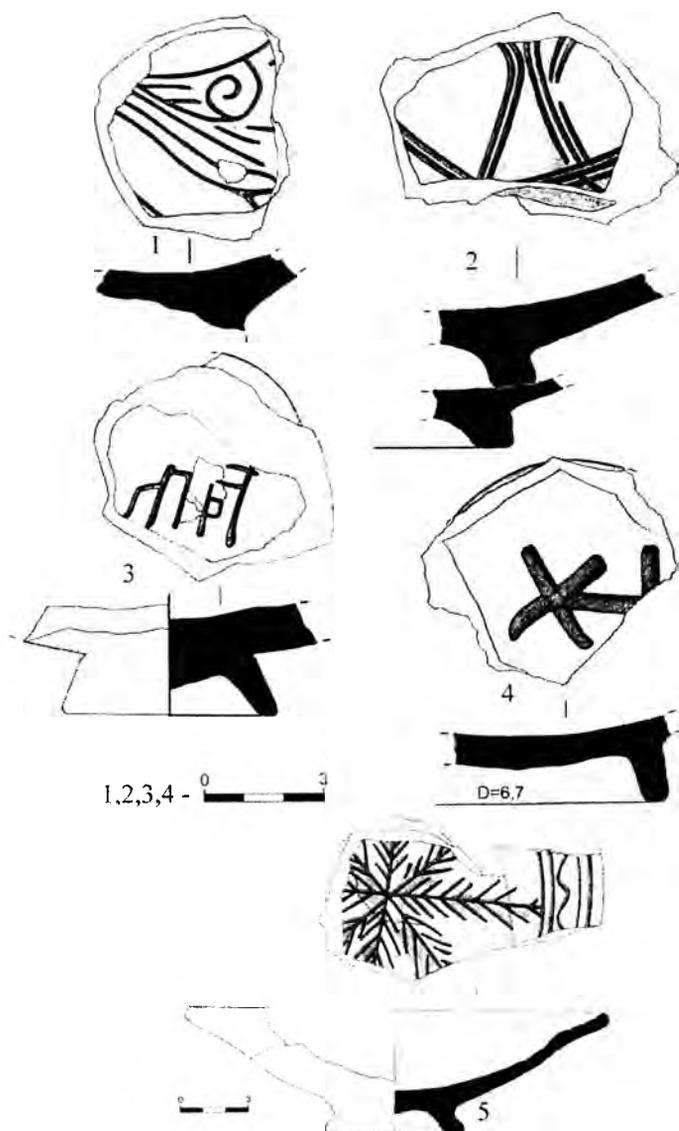

Рис. 44. Глазуванная керамика из второго слоя.

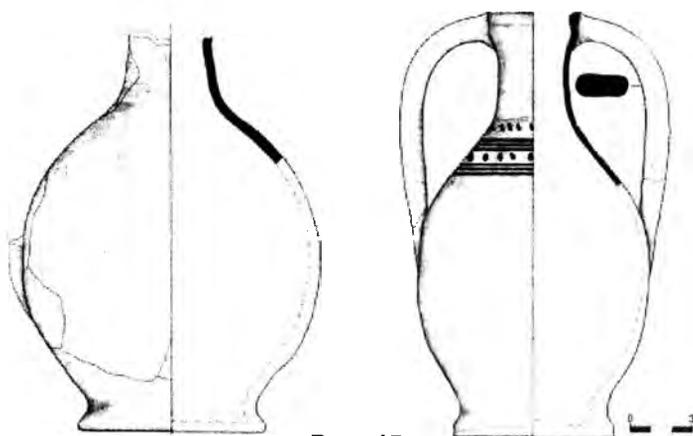

Рис. 45.

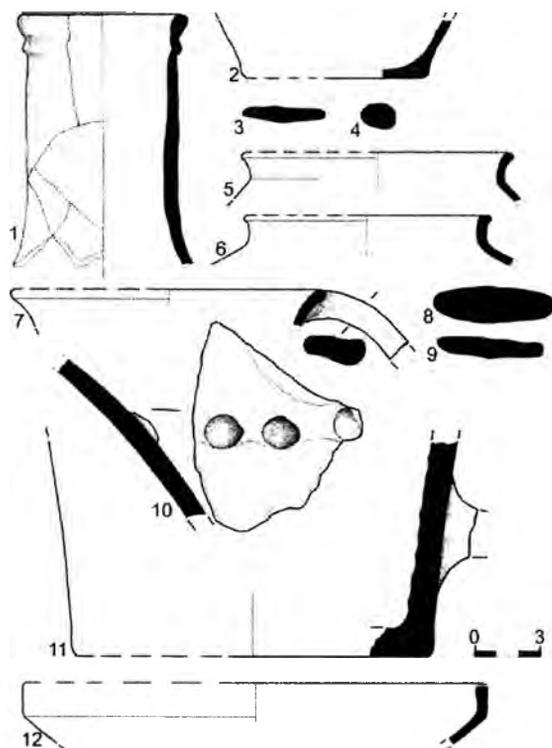

Рис. 46.

Рис. 45-46. Здание 3. Комплекс находок из слоя функционирования постройки.

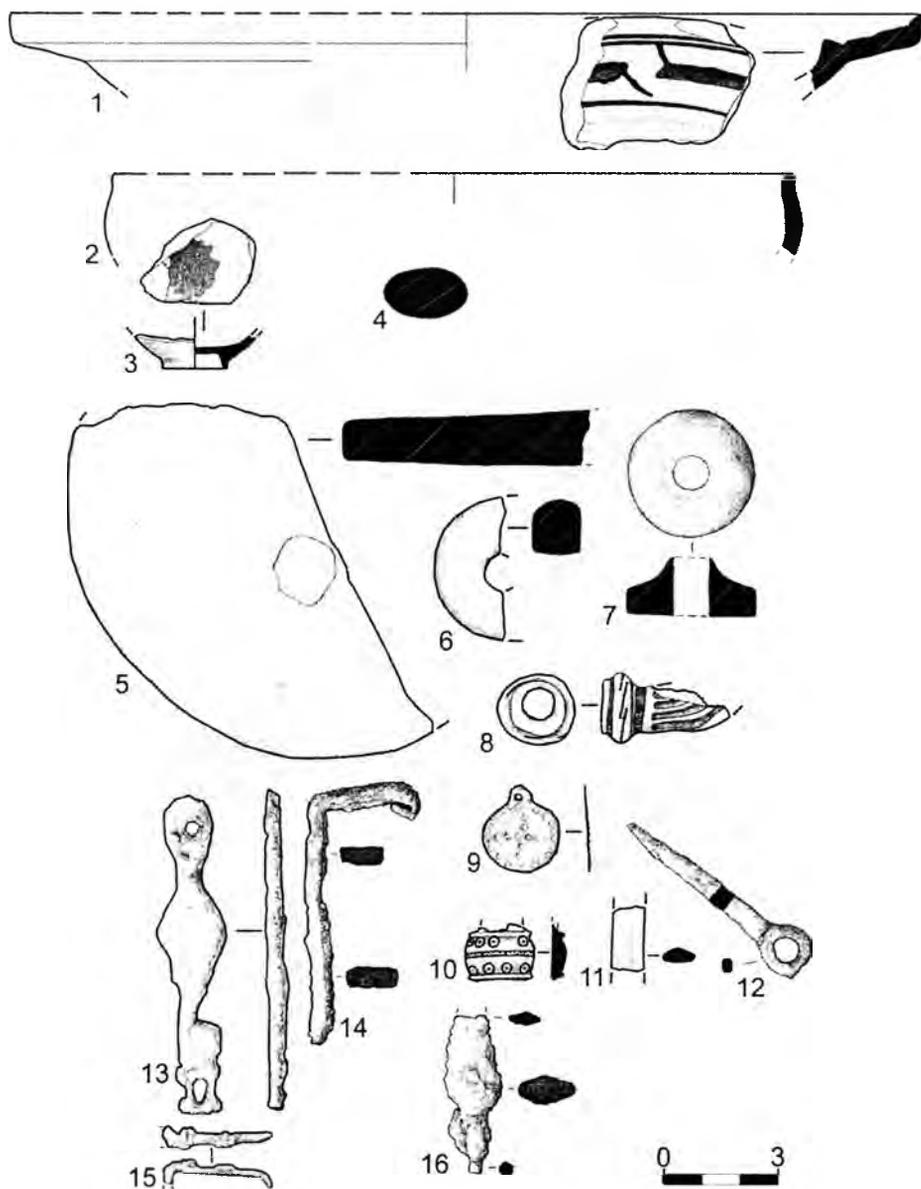

Рис. 47. Здание 3. Комплекс находок из слоя функционирования постройки.

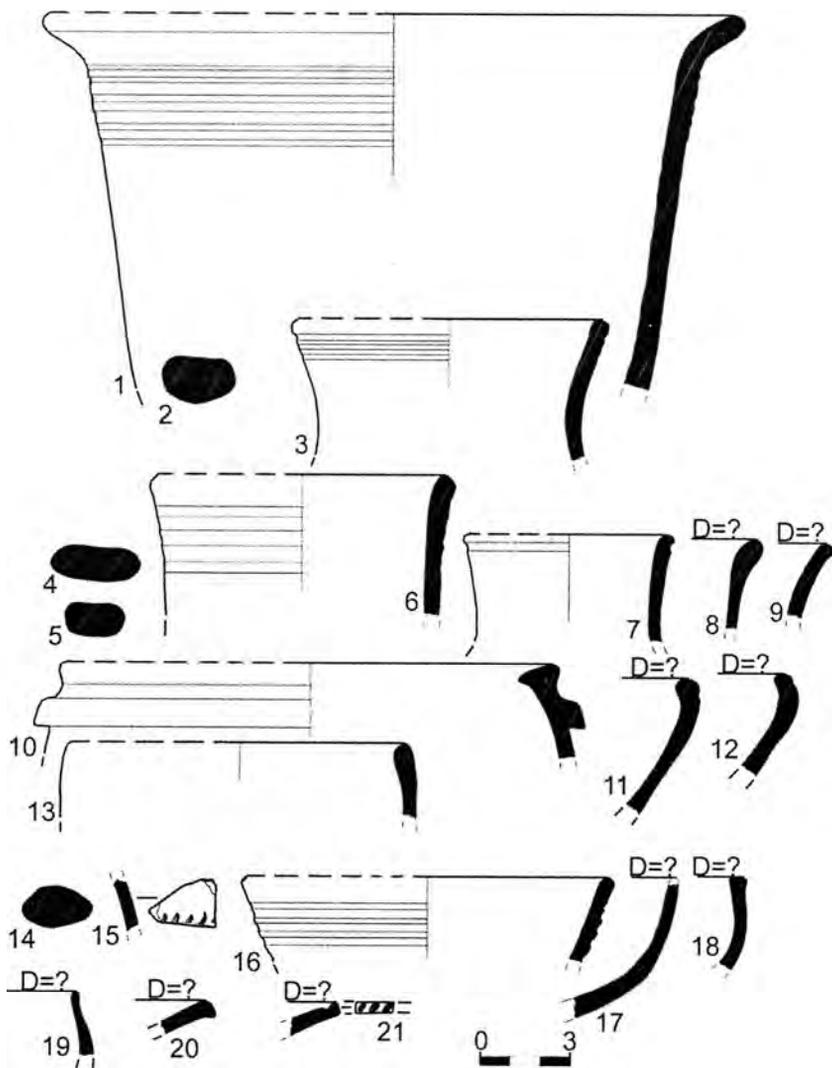

Рис. 48. Хозяйственная яма №16. Комплекс находок из заполнения.

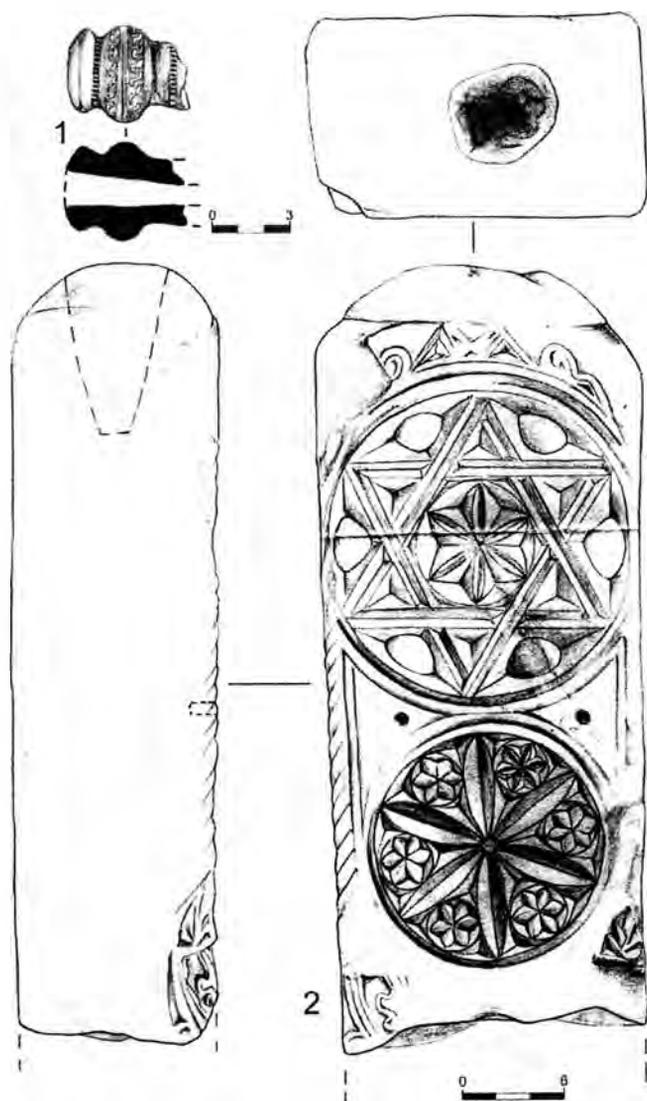

Рис. 49. Хозяйственная яма №16. Фрагмент известнякового надгробия.

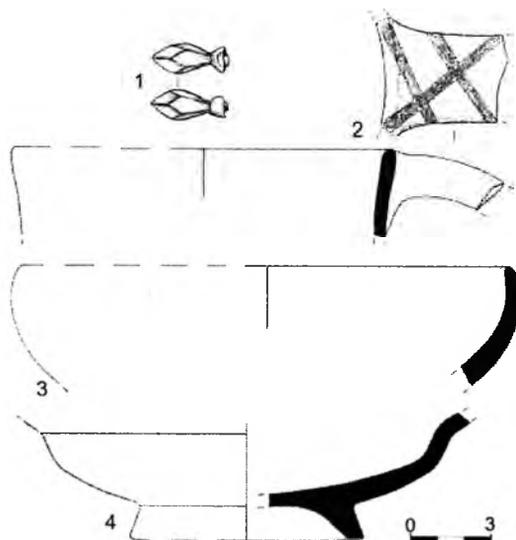

Рис. 50. Комплекс находок из кладки 36.

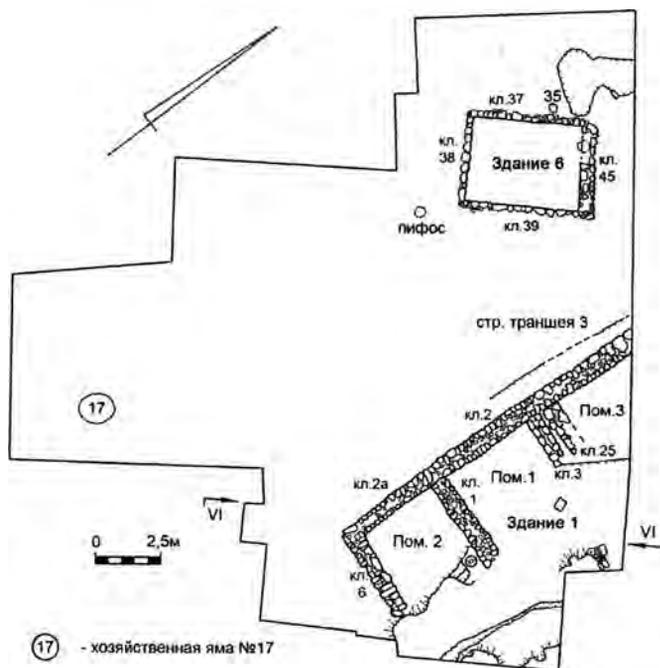

Рис. 51. Второй горизонт. Общий план строительных остатков.

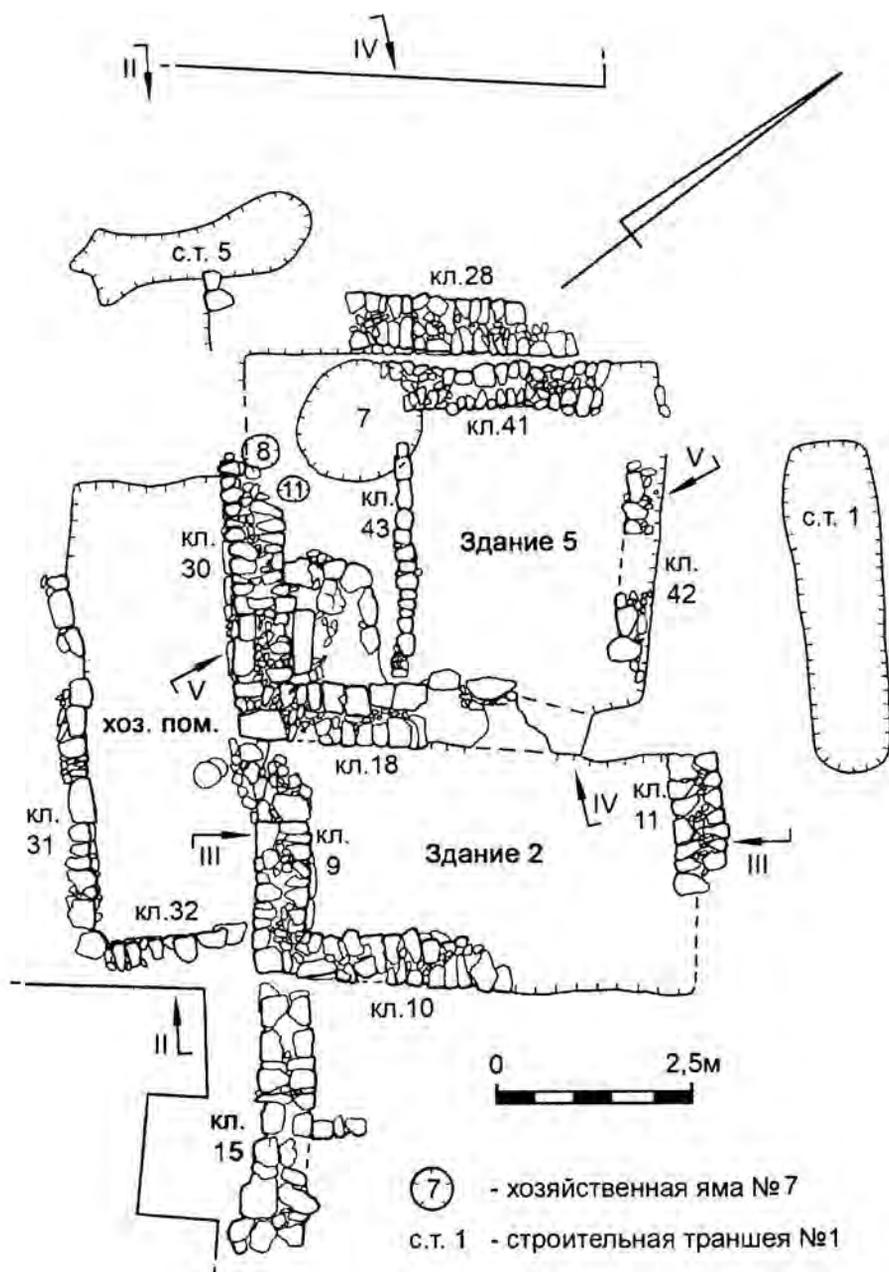

Рис. 52. Третий горизонт. Общий план строительных остатков.

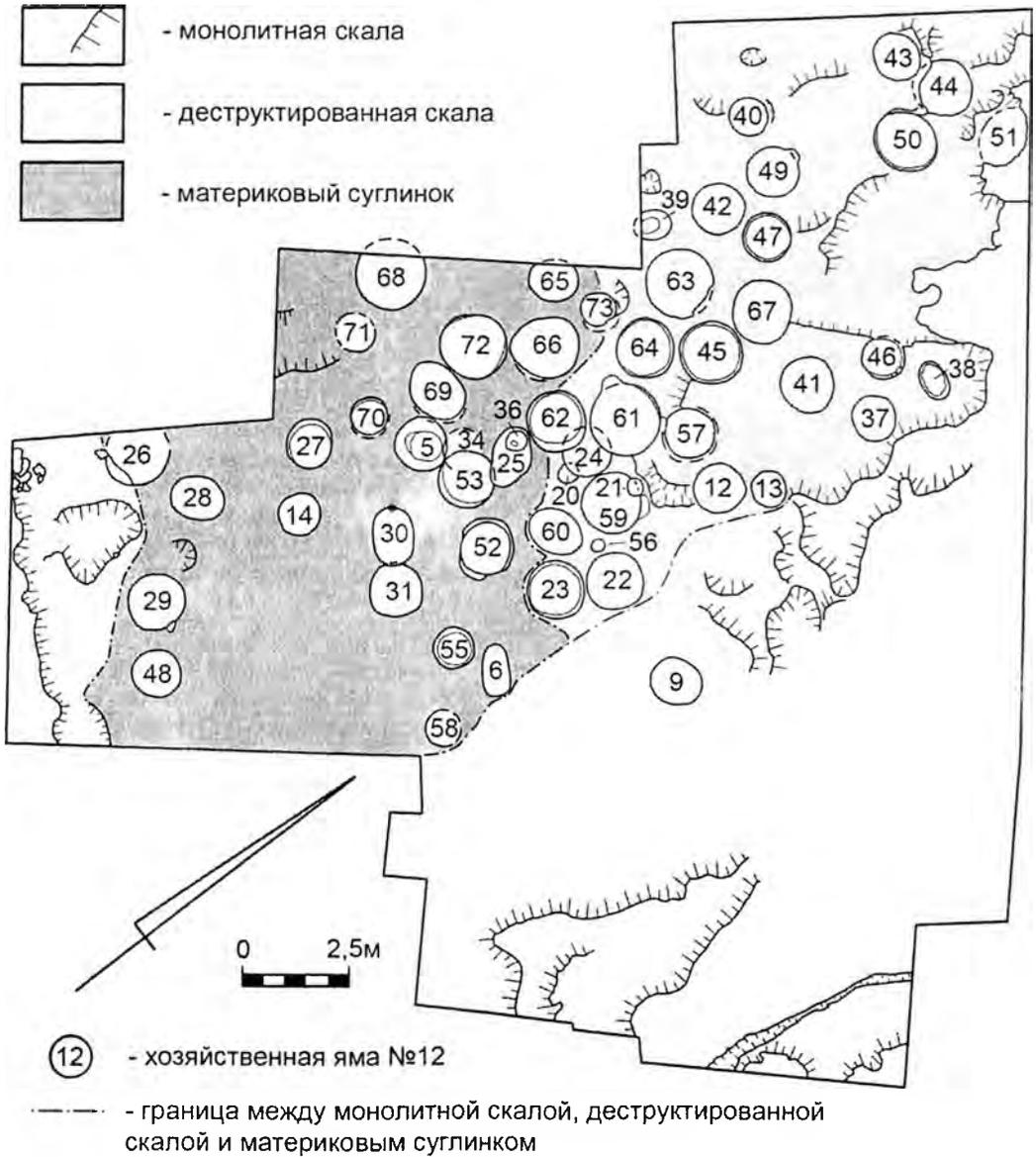

Рис. 53. Четвертый горизонт. Общий план хозяйственных ям.

М. М. ЧОРЕФ

ОПИСЬ МОНЕТ
из раскопок городской застройки в районе церкви св. Константина
(случайные находки, дерновый слой, I горизонт застройки)

№ №	Место находки	Материал	Атрибуция	Описание
1	2	3	4	5
Случайные находки				
1	Квадрат К, зачистка юго-восточной бровки	Медь, со следами серебрения	Римская империя. Аврелиан (270-275)	На лицевой стороне портрет императора и надпись AURELI (AURELIANUS AVG), на оборотной – изображение Солнца, у ног которого два связанных варвара (тип ORIENT AVG, Sear R3261). Диаметр 2,2-2,3 см. Соотношение осей 6 ч.
2	Квадрат Н, зачистка юго-западной бровки	Медь (AE4)	Римская империя. Констанций II (337-361)	На лицевой стороне просматривается портрет императора, на оборотной – стандартное для этого типа монет изображение пехотинца, повергающего всадника (тип FEL TEMP EPARATIO, Sear R4010). Обломана. Диаметр 1,4-1,5 см. Соотношение осей 2 ч.
3	Подъемный материал на площади раскопа	Медь	Римская империя. Валентиниан II (375-392). Выпуск г. Никомидии, мастерская №1.	На аверсе портрет императора вправо и легенда: DN VALENTINIANUS PF AVG. На оборотной стороне император со штандартом и глобусом в руках попирает колена преклоненного варвара (тип VIRTUS EXERSITI SMNA).. Диаметр 2,0-2,1 см. Соотношение осей 6 ч. [1, р. 351, № 4163].
4	Подъемный материал на площади раскопа	Медь	Римская империя. Предположительно вторая половина IV в. (?)	Диаметр 1,2 см. Сильно стертая монета
Дерновый слой				
5	Квадрат М	Медно-свинцовая	Византийская империя. Юстиниан I (527-565). Выпуск г. Херсона	На лицевой стороне портрет императора и надпись DN IUSTINIANUS PP AVG, на оборотной – монограмма «Полис Херсона», обычная для монет этого типа (Sear B197). Диаметр 1,3-1,4 см
6	Квадрат К	Бронза	Византийская империя. Роман I (920-944). Выпуск г. Херсона	На лицевой стороне монограмма правителя, на оборотной – крест на Голгофе. Диаметр 1,7 см. Соотношение осей 1 ч. [2, табл. XXVIII, № 420]

1	2	3	4	5
7	Квадрат З	Биллон	Крымское ханство. Акче Девлет Гирея I (1550-1577). Чекан г. Крыма	На лицевой стороне видны первые две строки надписи: دولت گرای بن - «Девлет Гирея I» СЫН». На оборотной стороне тамга, обрамленная окружностью из точек. Диаметр 1,0-1,3 см. Соотношение осей 1 ч. Сильно потерта [З, р. 85-89, Taf. VII; 4, с. 78-79]
8 — 9	Квадрат К	Биллон	Крымское ханство. Акче Мухамед Гирея II (1577-1584)	На лицевой стороне имена правителя и его отца, на оборотной – тамга и слово «чекан». Диаметр 0,9 см. Соотношение осей 0 ч. [З, р. 95, № 1, Taf. VIII; 4, с. 77-81].
10	Квадрат К	Биллон	Крымское ханство. Акче Мухамед Гирея II (1577-1584)	На реверсе тамга правителя и первые две буквы «чекан». Лицевая сторона сформована оборотной стороной такой же монеты [З, р. 95, № 1, Taf. VIII; 4, с. 77-81]

I горизонт застройки

11	Квадрат М, 2-й слой	Медно-свинцовая	Античная монета. Херсонес, конец IV-III вв. до н.э.	На аверсе – сидящая богиня Дева [5, с. 152, табл. XXXVI, рис. 19], оборотная сторона почти гладкая. Диаметр 1,9-2,0 см
12	Квадрат М, 2-й слой	Бронза	Римская империя. Траян (98-117). Денарий	На лицевой стороне портрет императора, на оборотной – возможно, Фортуна, сидящая на троне с поднятой вверх рукой и опирающаяся на посох. Похож на тип FORTUNA REDUX (Sear R984). Диаметр 1,6-1,7 см. Монета сильно потерта.
13	Бровка между квадратами Е, Ж, Л. Каменный завал между зданием № 4 и северо-восточным бортом раскопа	Медно-свинцовая	Херсонес, период 211-295 гг.	На лицевой стороне портрет мужчины и надпись (ΕΛΕΥ)ΘΕΡ(ΑΣ), на оборотной – Дева, бегущая влево, окруженная надписью (ΧΕΡΣ)ΟΝΗΣΟΥ. Диаметр 2,1-2,3 см. Соотношение осей 11 ч.
14	Квадрат И, 2-й слой. Зачистка каменного завала	Медь	Боспорское царство. Статер Рескупорида VI (318/319-336/337)	На лицевой стороне изображение царя вправо, на оборотной – римского императора Константина I Великого (306-337), венчаемого Никой. Монета сильно стерта. Диаметр 1,8 см. Соотношение осей 0 ч. [6, с. 173, № 776, табл. 39]
15	Квадрат Н, 2-й слой	Медь	Боспорское царство. Статер Рескупорида VI (318/319-336/337)	На лицевой стороне изображение царя, на оборотной – стилизованный портрет римского императора Константина I Великого (306-337). Дата выпуска не читаема. Монета сильно потерта. Диаметр 1,9 см. Соотношение осей 0 ч.

1	2	3	4	5
16	Квадрат К. Яма № 3. Верхний горизонт заполнения	Медь (AE4)	Римская империя. Первая половина IV в.	На аверсе голова императора в диадеме вправо, вокруг следы сбитой надписи. Диаметр 1,6-1,7 см
17	Квадрат А, 2-й слой	Медь (AE3)	Римская империя. Констанций II (337-361)	На аверсе портрет императора в диадеме вправо, видны остатки надписи: [DNCON-STANT]IUSPPAVG - «Констанций Отец Отечества Август». На реверсе изображения legionera и поверженного им конного варвара (тип FEL TEMP EPARATIO). Диаметр 1,5-1,6 см. Соотношение осей 4 ч. Монета сильно потерта и обломана [1, р. 337, № 4003]
18	Квадрат К. Яма №1. Заполнение	Медь (AE4)	Римская империя. Констанций II (337-361)	Диаметр 1,6-1,7 см. Монета окислена, потерта
19	Квадрат А, 2-й слой	Медь (AE2)	Римская империя. Феодосий I (379-395)	На лицевой стороне портрет императора в лавровом венке вправо. Вокруг следы надписи: DNTHE[ODOSIUSPPAVG] - «Господин наш Фео[досий Отец Отечества Август]». На оборотной стороне император с лабарумом и державой в руках попирает варвара (тип VIRTUS EXERSITUS). Диаметр 2,1-2,2 см. Соотношение осей 6 ч. Монета сильно стерта [1, р. 352, №4184]
20	Квадрат К. Яма №2. Верхний горизонт заполнения	Медь (AE4)	Римская империя. Феодосий I (379-395 гг.). Выпуск г. Кизика, 2-я оффicina	На аверсе император в диадеме вправо, вокруг надпись: DNTHEODOSIVSPPAVG – «Господин наш Феодосий благочестивый счастливый август». На реверсе два воина, держащие трофей, вокруг надпись: GLORIAROMANORVM – «Величие римлян», в обрезе SMKB. Диаметр 1,5-1,6 см. Соотношение осей 4 ч.
21	Квадрат И, 2-й слой. Каменный завал	Медь (AE2)	Византийская империя. Аркадий (395-408)	На аверсе голова императора в диадеме вправо, вокруг следы нечитаемой надписи. На оборотной стороне, в центре, император с лабарумом и сферой, попирающий варвара, вокруг надпись: GLORIA ROMANORVM – «Величие римлян». Диаметр 2,0-2,3 см. Соотношение осей 3 ч. Монета сильно потерта [7, р. 524, № 5]

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XIII

1	2	3	4	5
22	Квадрат К. Яма №2. Верхний горизонт заполнения	Медь (AE2)	Византийская империя. Аркадий (395-408)	На аверсе голова императора в диадеме вправо, вокруг следы нечитаемой надписи. На оборотной, в центре, император с лабарумом и сферой, попирающий варвара, вокруг надпись: GLORIA ROMANORUM – « <i>Величие римлян</i> ». Диаметр 2,2-2,3 см. Соотношение осей 0 ч. Монета сильно потерта [7, р. 524, № 5]
23	Квадрат К. Яма №2. Заполнение. Прослойка серо-корич-невого плотного грунта под «верхним зольником»	Медь. Без следов серебрения	Византийская империя. Аркадий (395-408). Чеканена на Востоке	На лицевой стороне портрет императора и надпись DN ARCADIUS, на оборотной – император с лабарумом попирает варвара. Вокруг надпись VIRTUS EXERSITUS (Sear R4230). Диаметр 2,2-2,3 см. Соотношение осей 0 ч.
24	Квадрат М, 2-й слой. Шурф вдоль северо-западной бровки	Медь. Без следов серебрения	Византийская империя. Аркадий (395-408). Чеканена на Востоке	На лицевой стороне портрет императора и надпись DN ARCADIUS, на реверсе – император с лабарумом попирает варвара. Вокруг надпись VIRTUS EXERSITUS (Sear R4230). Диаметр 2,2-2,3 см. Соотношение осей 6 ч.
25	Квадрат М, 2-й слой, нижний горизонт. Шурф вдоль северо-западной бровки	Медь. Без следов серебрения	Византийская империя. Аркадий (395-408)	На лицевой стороне портрет императора. Надпись не сохранилась. На оборотной стороне император с лабарумом попирает варвара (Sear R4230). Размеры 2,2-2,3 см. Соотношение осей 0 ч.
26	Квадрат Е, 2-й слой под кладкой 7	Медь	Византийская империя. Аркадий (395-408)	На лицевой стороне голова императора вправо, вокруг легенда (неразборчиво). Обратная сторона потерта. Диаметр 2,0 см.
27	Квадрат И, 2-й слой. Каменный завал	Медь (AE2)	Византийская империя. Лев I (457-474). Чекан г. Константинополя	На аверсе император в диадеме вправо, вокруг следы надписи: DNL.....PAVG. На реверсе император, попирающий варвара, вокруг надпись: SALVSRPVRLICA - « <i>Защитник республики</i> », в обрезе CON. Диаметр 1,7-1,9 см. Соотношение осей 6 ч.
28	Квадрат А, 2-й слой	Медь	Византийская империя. Анастасий I (491-518). Деканумий, чекан г. Константинополя	На аверсе портрет императора вправо, вокруг него надпись: DNANAS[TASIUS]PAVG - « <i>Господин наш Анастасий Отец Отчества Август</i> ». На оборотной стороне большая буква I, вокруг нее следы надписи: CONCORD - « <i>Согласие</i> ». Диаметр 1,5 см. Соотношение осей 1 ч. Монета сильно потерта [8, р. 29, № 26]
29	Квадрат К. Яма №2. Заполнение.	Бронза	Византийская империя.	На аверсе портрет императора вправо, вокруг него надпись:

1	2	3	4	5
	«Верхний зольник»		Анастасий I (491-518). Пентануммий, чекан г. Константинополя, 2-я оффицина	DNANAS[TASIUS]PAVG - «Господин наш Анас[тасий Отец] Отечества Август». На оборотной стороне в центре крупная буква Є, справа - В. Соотношение осей 9 ч. Диаметр 1,2 см [8, р. 40, № 29].
30	Квадрат К. Яма №2. Верхний горизонт заполнения	Бронза	Византийская империя. Анастасий I (491-518). Пентануммий. Чекан г. Константинополя	На аверсе император в диадеме вправо, вокруг надпись: DNANASTASIVSPPAVG - «Господин наш Анастасий Отец Отечества август». На реверсе в центре крупная буква Є. Диаметр 1,2 см. Соотношение осей 1 ч. [8, р. 40, № 29]
31	Квадрат И, 2-й слой. Каменный завал	Бронза	Византийская империя. Анастасий I (491-518). Пентануммий. Чекан г. Константинополя	На аверсе император в диадеме вправо, вокруг надпись: DNANASTASIVSPPAVG - «Господин наш Анастасий Отец Отечества август». На реверсе в центре крупная буква Є. Диаметр 1,2 см. Соотношение осей 2 ч. [8, р. 40, № 29]
32	Квадрат К, 2-й слой	Бронза	Византийская империя. Анастасий I (491-518). Пентануммий. Чекан г. Константинополя	На аверсе император в диадеме вправо, вокруг надпись: DNANASTASIVSPPAVG - «Господин наш Анастасий Отец Отечества август». На реверсе в центре крупное Є. Диаметр 1,0-1,1 см. Соотношение осей 1 ч. [8, р. 40, № 29]
33	Квадрат М, 2-й слой	Медь	Византийская империя. Анастасий I (491-518). Пентануммий. Чекан г. Константинополя	На лицевой стороне портрет императора и текст SIUS PF AVG. На оборотной стороне большая буква E, обозначающая номинал монеты (Sear B53). Диаметр 1,1-1,2 см. Соотношение осей 6 ч.
34	Квадрат Г, 2-й слой	Медь	Византийская империя. Юстиниан I (527-565). Пентануммий, выпуск г. Херсона	На лицевой стороне изображение головы императора вправо, легенда DNIUSTI... На реверсе император в рост с увенчанным крестом посохом в правой руке и сферой в левой, легенда: VICTOR. Диаметр 1,2-1,4 см. Соотношение осей 5 ч. [2, с. 156, № 312, табл. XXII]
35	Квадрат М, 2-й слой	Медь	Византийская империя. Юстиниан I (527-565). Пентануммий, выпуск г. Херсона	На лицевой стороне портрет императора, вокруг надпись DN IUSTINISNUS PP AVG. На реверсе монограмма «Полис Херсонас» (Sear B197). Диаметр 1,5-1,6 см. Соотношение осей 6 ч.
36	Квадрат К. Яма №2. Заполнение. Прослойка серого рыхлого грунта под «нижним зольником»	Медь	Византийская империя. Юстиниан I (527-565). Пентануммий, выпуск г. Херсона	На лицевой стороне портрет императора, на оборотной - монограмма «Полис Херсонас». Диаметр 1,3 см. Соотношение осей 9 ч. [2, табл. XXII, № 314]

1	2	3	4	5
37	Квадрат Н, 2-й слой	Медно-свинцовая	Византийская империя. Роман II (959-963). Выпуск г. Херсона	На лицевой стороне монограмма ρ-ω-μ-α. Обратная почти гладкая. На ней слабо просматривается крест на Голгофе (Sear B1764). Диаметр 1,8-1,9 см. Соотношение осей 0 ч. Монета пробита
38	Квадрат Н, 2-й слой	Медь	Монета одного из турецких бейликов начала XIV в., скорее всего, Саруханского	Штамп сдвинут. На лицевой стороне الله الع "Аллах 'ал..", на оборотной (...) خلد (م) لك "да продлит правление". Диаметр 1,7-1,9 см. Соотношение осей 0 ч.
39	Квадрат Г, 2-й слой	Медь	Турецкие бейлики. Мангир первой половины XIV в.	На лицевой стороне тугра «Эмир ...». Отчетливо видны ее верхняя и правая часть. На реверсе четырехстрочная надпись и надчеканка – звездочка. Диаметр 1,5-1,9 см. Соотношение осей 9 ч. Портета в обращении
40	Квадрат И, 2-й слой	Медь	Турецкие бейлики. Мангир XIV в.	Монета сильно стерта. Видны только отдельные буквы надписи. Диаметр 1,3-1,5 см
41	Квадрат Е, 2-й слой между кладками 7 и 8	Медь	Золотая Орда. Джучидская, Токта (1291-1313). Чекан г. Крыма 690 г.х. (1291 г.)	Видны следы картуша и даты на аверсе. Диаметр 1,1-1,5 см. Монета сильно стерта и обломана [9, рис. 3]
42	Квадрат И, 2-й слой. Зачистка каменного завала	Медь	Золотая Орда. Джучидская, середина XIV в. Вероятно, чекан Гюлистана	Диаметр 1,8-2,0 см. Сильно стертая монета
43	Квадрат Н, 2-й слой	Серебро	Золотая Орда. Джучидская, Мюрид (1361-1364)	На лицевой стороне надпись: لعادل سلطان - «султан правосудный». На реверсе: مر... خلد... - «Мюрид хан да продлится». Диаметр 1,2-1,7 см. Соотношение осей 6 ч.
44	Квадрат А, 2-й слой	Медь	Золотая Орда. Анонимный пул конца XIV в.	На аверсе стилизованная надпись, на реверсе розетка. Диаметр 1,7 см
45	Квадрат Е, 2-й слой	Медь	Золотая Орда, Джучидская, XIV в.	На лицевой стороне многолучевая звезда в окружении точечного и линейного ободка. Обратная сторона не просматривается. Диаметр 1,9 см
46	Квадрат К. Яма №2. Заполнение. «Нижний зольник»	Медь	Золотая Орда. Джучидская, XIV в. (?)	Обломок стертой монеты. Диаметр 1,7-1,9 см.

1	2	3	4	5
47	Квадрат М, 2-й слой	Серебро	Османская империя. Акче Мехмеда II (1451-1481). Выпуск 886 г.х. (1481 г.)	На лицевой стороне надпись : محمد خان عز نصر - «Мехмед хан да прославится победа его». Ниже надписи дата ٨٨٩ – ٨٨٦ – 886 г.х. (1481 г. н.э.). На оборотной стороне надпись: خدا لله ملكه - «да продлит Аллах его правление». Диаметр 1,0-1,2 см. Соотношение осей 0 ч.
48	Квадрат М. Зачистка 3-го слоя	Серебро	Османская империя. Акче XVII в. Чекан султана (?)	Диаметр 1,1 см. Сильно сбита
49	Бровка между квадратами Е-Ж и И. Северо-западная часть. Зачистка каменного завала	Серебро	Османская империя. Акче Ахмеда III (1703 – 1730). Выпуск 1115 г.х. (1710 г.)	На лицевой стороне тугра правителя, на оборотной – надпись в три строки: قسطنطينية في ضرب - «чеканена в Константинополе» Ниже дата ١١١٥ – 1115 г.х. [10, р. 1194]. Обломана. Диаметр 1,1 см. Соотношение осей 0 ч.
50	Квадрат Л, 2-й слой снаружи здания №4	Медь	Крымское ханство. Хаджи Гирей (1422-1466). Чекан г. Крыма 871 г.х. (1465/1466 г.)	На лицевой стороне хорошо читаем текст: سلطان الا اعظم خا جى كراى - «султан верховный Хаджи Гирей». На оборотной стороне вокруг тамги, помещенной в круг из точек, расположена надпись: ضرب بلد قرم - «чекан города Крыма». Дата выпуска ٨٧١ – 871 г.х. Так как монета очень близка по оформлению, весу, технике изготовления к широко известным серебряным монетам Хаджи Гирея, то, возможно, она является продуктом «государственной фальсификации». Перед пуском в обращение такие деньги серебрили. После того, как слой драгоценного металла стирался, монеты выпадали из оборота. Соотношение осей 6 ч.
51	Квадрат М, 2-й слой	Серебро	Крымское ханство. Менгли Гирей I (1467-1515). Чекан г. Крыма	На лицевой стороне: بن خا جى كراى منكلى كراى - «Менгли Гирей сын Хаджи Гирея». На оборотной стороне – тамга в круге. Год выпуска сб. Диаметр 1,1-1,3 см. Соотношение осей 10 ч.
52	Квадрат А, 2-й слой	Биллон	Крымское ханство. Акче Менгли Гирея I (1467-1515). Чекан г. Кырк-Йера 892 г.х. (1486/1487 г.)	На аверсе в круге надпись в три строки: منكلى كراى - «Менгли Гир[ей]» بن خا جى كراى - «сын Хаджи Гир[ея]» На оборотной стороне в центре тамга,

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XIII

1	2	3	4	5
				вписанная в окружность, вокруг нее надпись: ضرب قروير ٢٩٨ - «чекан Кырк-Йера 892 (г.х.)». Диаметр 1,2-1,5 см. Соотношение осей 4 ч. Монета потерта [3, р. 50, № 79, Taf. V]
53	Квадрат Н. Яма №16. Заполнение	Серебро	Крымское ханство. Девлет Гирей I (1550-1577).	На лицевой стороне надпись в три строки: دولت كراى بن مبارک - «Девлет Гирей сын Мубарек Гирея». Строки разделены рядом точек. На реверсе тамга в точечном ободке. Диаметр 1,0-1,1 см. Соотношение осей 3 ч.
54	Квадрат А, 2-й слой	Биллон	Крымское ханство. Акче Мухаммед Гирея II (1577-1584). Чекан г. Крыма*	На лицевой стороне монеты остатки надписи: بن - «сын دولت... [Девлет]». На оборотной стороне тамга, вписанная в точечную окружность. Диаметр 1,0-1,1 см. Соотношение осей 2 ч. Монета сильно потерта и пробита [3, р. 95, № 5, Taf. VIII; 4, с. 77-81].
55	Квадрат Ж, 2-й слой	Биллон	Крымское ханство. Акче Мухаммед Гирея II (1577-1584). Чекан г. Крыма	На лицевой стороне монеты остатки надписи: بن «сын دولت... [Девлет]». На оборотной стороне тамга, вписанная в точечную окружность. Диаметр 1,1-1,2 см. Соотношение осей 2 ч. Монета сильно потерта и пробита [3, р. 95, № 5, Taf. VIII; 4, с. 77-81].
56	Квадрат М, 2-й слой	Серебро	Крымское ханство. Джанибек Гирей (1610-1623). Чекан г. Гезлева	На лицевой стороне: سلطان جانی بك... مبارک - «Джанибек сын Мубарека... султана». Диаметр 1,0-1,1 см. Соотношение осей 2 ч.
57	Квадрат Н, 2-й слой	Серебро	Крымское ханство. Мехмед IV (1654-1666)	На аверсе просматривается имя правителя محمد, ниже линия точек. На оборотной стороне тамга правителя в окружности. Диаметр 0,9-1,0 см. Соотношение осей 6 ч.
58	Квадрат Е-Ж. Строительная траншея к юго-западу от кладки № 21	Медь	Не атрибутирована	Диаметр 1,5 см. Стертая монета
59	Квадрат А, 2-й слой	Медь	Не атрибутирована	Диаметр 1,5-1,6 см. Стертый обломок монеты

* В монетном деле Мухаммед Гирея II можно выделить две эмиссии ханского биллона: «новые и прежние» и «новые и полноценные» акче. Так как на оборотной стороне нашей монеты заметно точечное обрамление тамги, то ее можно отнести ко второй серии [4, с. 79-80].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sear D.R.* Roman coins and their values. London, 1988.
2. *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.
3. *Retowski O.* Die Münzen der Girei. Moskau, 1905.
4. *Чореф М.М.* К вопросу об эмиссии кафийских акче при Девлет Гирее I и Мухаммед Гирее II // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2006. № 16.
5. *Зограф А.П.* Античные монеты // МИА. 1951. № 16.
6. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
7. *Kankelfitz B.R.* Römische Münzen. Von Pompejus bis Romulus. Augsburg, 1996.
8. *Sear D.R.* Byzantine coins and their values. London, 1987.
9. *Лебедев В.П.* Каталог монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII – нач. XV вв.) // Вестник Одесского музея нумизматики. Одесса, 1999. № 2.
10. *Krause C., Mishler C.* Standard catalog of World coins Seventeenth Century 1601-1700. Iola, 2002.